Алиса Виз

```
$ user.accept(terms, { all: true })
```

ПРИНЯТЬ ВСЕ

01 streak	365
02 luck	"credit"
03 debt.status	"due"

Алиса Виз

Принять все

«Автор»
2026

Виз А.

Принять все / А. Виз — «Автор», 2026

Артёма уволили и заменили ИИ-агентом, которого он обучил сам. В тот же вечер жена узнала про ещё одну его тайну и ушла, забрав дочь.В подвальном баре он сканирует QR-код с афиши и, не читая, нажимает «Принять все». Утром с карты списан один доллар, а в телефоне появляется приложение с улыбчивым клевером и ежедневными заданиями.Выполнил задание — тебе везёт. Долги исчезают, обидчики терпят неудачу и жизнь налаживается.Только удача не берётся из воздуха. За неё всегда кто-то платит.И приложение очень не любит, когда о нём забывают. Пропустишь день — клевер начинает скучать. Пропустишь второй — он напомнит о себе сам. Вежливо. С улыбкой. Через того, кто тебе дорог.

© Виз А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Оптимизация 6
Глава 2. Выход без сохранения 10
Глава 3. Улыбка удачи 12
Глава 4. Списание 16
Глава 5. Ошибка в вашу пользу 19
Глава 6. Ударный режим 22
Глава 7. Обратная связь 25
Глава 8. Логи 28
Глава 9. Тестовый пропуск 31
Глава 10. Подтвердить 33
Глава 11. Автопилот 37
Глава 12. Известная проблема 41
Глава 13. Не найдено 45
Глава 14. Откат 48
Глава 15. Код доступа 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Алиса Виз
Принять все

Принять все

При неактивности более 7 суток учётная запись может быть удалена.

Пользовательское соглашение «Улыбка удачи»

Глава 1. Оптимизация

— Баг[1] дня, — говорит Соня и садится на кровати очень прямо, как человек, пришедший в суд.

Девять лет, пижама с акулами, на коленях тетрадь в клетку. В тетради графы. Графы начертил я, когда ей было семь и она спросила, чем я занимаюсь на работе. Можно было ответить «пишу код», но я выбрал педагогику и теперь расплачиваюсь каждый вечер.

— Докладывайте.

— Шаги воспроизведения. — Она ведёт пальцем по строчке. — Первый. Прийти в школу во вторник. Второй. Переодеться на физру. Третий. Выйти в спортзал.

— Ожидаемый результат?

— Физра.

— Фактический?

— В спортзале прорвало трубу, и мы сорок минут решали примеры в форме. — Соня поднимает на меня глаза. — В шортах, пап.

— Приоритет?

— Критический.

Я забираю тетрадь, хмурюсь и изучаю запись с тем же лицом, с каким изучаю чужой код перед релизом[2].

— А может, это не баг? Может, так задумано?

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что обычно так и есть.

— Папа. Шорты.

Аргумент сильный. Я ставлю галочку в последней графе.

— Принято в работу.

Она кивает, забирает тетрадь и открывает её с конца. На последней странице столбик чисел: Соня ведёт счёт. Сегодня она аккуратно выводит 712. Столько вечеров подряд мы это делаем. Две мои командировки она продиктовала по телефону, один её грипп прошёл шёпотом, но столбик ни разу не прервался.

Я никогда её об этом не просил. Она сама решила, что важные вещи надо считать.

— Пап.

— М?

— А ты починишь?

Я думаю о школьной трубе, о которой не знаю ровным счётом ничего, и о том, что починить я сейчас не могу примерно ничего.

— Починю, — говорю я и гашу свет.

На кухне Алина сидит над ноутбуком с остывшим чаем. Она бухгалтер и даже дома смотрит на цифры так, будто они ей что-то должны.

— Ипотеку перевёл?

— Перевёл.

Это правда. С зарплаты, как и каждый месяц. На вопросы про ипотеку я отвечаю спокойно. Плохо только, что она не единственный мой долг.

---

[1] Баг (англ. bug, «жучок») — ошибка в программе.

[2] Релиз — выпуск новой версии программы.

Телефон на столе коротко вздрагивает. Я успеваю прочитать первые слова, *Напоминаем, что срок*, и переворачиваю его экраном вниз. Движение у меня отработанное. У каждого разработчика есть тикеты[3], которые он месяцами не открывает, надеясь, что они закроются сами.

* * *

Заснуть удаётся часа в два. Снится, что я захожу в репозиторий[4], а там миллион непрочитанных уведомлений, и счётчик растёт, пока я на него смотрю. Я начинаю их закрывать, но каждое закрытое приносит два новых.

Будильник звонит в семь. Первым делом я проверяю телефон. Новых сообщений с напоминаниями нет, и я решаю считать это хорошим знаком.

Иннополис в восемь утра похож на рендер. Белые дома, ровные газоны, пустые дорожки и ветер с Волги, которому тут единственному нечего делать. Я живу здесь шесть лет и всё ещё жду, что где-нибудь на углу дом недогрузится и покажет сетку.

В лифте приходит приглашение в календарь. *Синк[5] с Александром. 15 минут. 9:30.* Без описания.

За шесть лет я усвоил три вещи про наши синки. Если на час, будут ругать. Если на полчаса, будут хвалить и просить работать в выходные. Пятнадцать минут я вижу впервые и, кажется, догадываюсь, что это может значить…

Александр Викторович встречает меня стоя. Это плохо: обычно он не отрывается от монитора, пока ты не кашлянешь. Ему сорок пять, он бегает марафоны и слово «команда» произносит так, как другие говорят «аминь».

— Артём! Садись. Кофе будешь?

За шесть лет он ни разу не предлагал мне кофе. В углу, в кресле для гостей, сидит Оксана. В подписи у неё значится People Partner, а по сути она наша кадровичка. На коленях у неё папка. Папка тонкая. Кофе я решаю не брать: вдруг его смогут вычесть из расчёта.

— Ты знаешь, как я тебя ценю, — начинает Смирнов.

Думаю, что скоро узнаю.

— Компания выходит на новый этап. Мы смотрели на цифры по нашему ИИ-агенту[6]. Ты их видел?

Цифры я видел. С недавних пор искусственный интеллект — наш главный внутренний помощник для разработки, со всем контекстом по проекту. Восемь месяцев назад настроить его поручили мне. Я скормил ему шесть лет своих коммитов[7], написал правила, научил писать тесты и отвечать на ревью[8]. Я очень старался, работал на совесть. Это, как выяснилось, и была ошибка.

— За квартал агент закрыл задач больше, чем весь отдел, — говорит Смирнов, едва скрывая восторг. — Он не болеет. Не просит отпуск. Готов работать даже ночью без перерывов и выходных.

— Весь в меня! Он даже опечатки делает мои, — говорю я. — В слове «инициализация». Вы видели?

— Вот! — радуется Смирнов. — Вот об этом я и говорю. Ты передал ему всю экспертизу. Это блестящая работа, Артём. Я серьёзно. Ты можешь рассчитывать на лучшую рекомендацию, какую только можно получить.

---

[3] Тикет — задача или заявка в системе учёта задач.

[4] Репозиторий — хранилище кода проекта со всей историей изменений.

[5] Синк (от англ. sync) — короткая рабочая встреча команды.

[6] ИИ-агент — программа на основе искусственного интеллекта (ИИ), которая сама выполняет задачи: пишет код, отвечает на запросы, меняет данные.

[7] Коммит (англ. commit) — сохранённая порция изменений в коде с пометкой, кто, что и зачем поменял.

[8] Ревью (код-ревью) — проверка кода коллегами, прежде чем его примут в проект.

Я пытаюсь понять, шутит ли он. Он не шутит. Он правда считает, что сделал мне комплимент.

— Сколько человек? — спрашиваю я.

— Мы оптимизируем отдел.

— Сколько?

— Вся команда, — говорит Смирнов, и на этот раз слово звучит как панихида. — Сегодня у всех встреча со мной, так что пока никому ни слова. Но ты не думай, мы семья. Оксана всё расскажет.

Оксана открывает папку. Соглашение сторон, две недели отработки на передачу дел, две зарплаты на выходе, подпись здесь и здесь. Голос у неё извиняющийся, ей лет двадцать пять, и я вдруг понимаю, что какой-нибудь агент рано или поздно доберётся и до неё. Говорить об этом я не стану. Она и так смотрит в стол.

Я подписываю. Здесь и здесь.

Весь разговор занимает одиннадцать минут. Смирнов укладывается раньше срока, он всегда этим гордился.

— Дела начинай передавать уже сегодня, — говорит он.

Четырнадцать дней. Уволить меня уже нельзя, значит, впервые за шесть лет я могу сказать этому человеку всё, что думаю. Записываю это в планы на завтра.

В отделе всё как всегда. Наташа из соседнего ряда спорит с тестировщиком, Рустам ест овсянку прямо над клавиатурой. В общем календаре у каждого стоит синк с Александром на пятнадцать минут: у Наташи в 9:45, у Рустама в 10:00.

— Чего хотел? — спрашивает Наташа, не оборачиваясь.

— Кофе предлагал, — говорю я.

— Ого. Повышение, что ли?

За моим монитором мигает окно с логами[9]: агент закрывает задачу, которую я вчера оставил на утро. Закрывает аккуратно, с комментарием. В комментарии опечатка в слове «инициализация».

В кармане вибрирует телефон. Корпоративный бот, с которым я шесть лет согласовывал отпуска.

Ваш пропуск будет деактивирован через 14 дней. Спасибо, что были частью нашей истории!

И следом:

Как вы оцениваете разговор с руководителем? Поставьте оценку от 1 до 5. Ваше мнение делает нас лучше!

Я стою посреди отдела и смотрю на пять маленьких звёздочек. Ставлю пять. Рефлекс. Если поставить меньше, кто-нибудь придёт спросить, что случилось.

Спасибо! Хорошего дня!

* * *

Домой я иду пешком и считаю.

Две зарплаты. Ипотека. Повезло, что садик уже в прошлом, зато теперь есть английский и бассейн. Машина в кредите. Отдельной строкой идёт то, что я не называю вслух даже в собственной голове, хотя сумму помню до рубля. Осталось триста сорок две тысячи четыреста. Каждый месяц я отправляю часть зарплаты на погашение, и сумма послушно уменьшается. Через два месяца отправлять будет нечего.

Впрочем, начиналось с малого. Весной я решил, что разбираюсь в крипте лучше рынка, и вложил семейную подушку. Рынок со мной не согласился. Чтобы отыграться, я взял первый займ, потом закрыл его вторым, потом третьим. Классический рекурсивный вызов, а условием

[9] Логи — журналы, куда программа записывает всё, что с ней происходит. По ним ищут причины сбоев.

выхода оказалась моя зарплата. Если бы такое написал джун[10], я бы ещё понял и просто вернул бы ему эту писанину на доработку, но оправдания самому себе по сей день найти я так и не смог.

План на вечер складывается простой. Я расскажу Алине про работу. Только про работу. Новое место найду за месяц, с моим опытом это легко, а остальное как-нибудь разрулю и потом расскажу. Или не расскажу. Если повезёт, у меня останется ещё целый оклад за месяц и с его помощью я даже смогу погасить долг быстрее, переживать стоит разве что о критичности нового вечернего бага дня, семьсот тринадцатого.

Рабочий план. Мне даже становится легче.

Я открываю дверь в половине восьмого. В это время Алина обычно забирает Соню из бассейна, но в прихожей стоят её сапоги. Стоят криво, а она никогда не ставит их криво.

— Алин?

Никто не отвечает.

На кухне чисто. Чашки вымыты, ноутбука нет. Посреди стола лежит конверт, один, точно по центру, как кладут улику или счёт в хорошем ресторане. Плотная бумага, красная полоса поверху. *График платежей по договору займа. «Рубль до получки». Лично в руки.*

Конверт вскрыт. Аккуратно, ножом, по всей длине. Алина всё делает аккуратно.

Рядом лежат ещё две бумаги, которые я точно прятал в гараже.

Я стою над столом с ключами в руке и думаю только о том, что надо куда-нибудь их положить.

Из спальни доносится звук молнии. Длинный, медленный, с остановкой на углу.

Так застёгивают только чемодан.

[10] Джун (от англ. junior) — начинающий разработчик.

Глава 2. Выход без сохранения

Алина стоит у кровати спиной ко мне и застёгивает второй чемодан. Первый, Сонин, с акулой на боку, уже стоит у двери. Я кладу ключи на комод. Наконец-то нашлось куда.

— Я пошла в гараж за Сониными коньками, — говорит она, не оборачиваясь. — Коньков там нет. Зато есть два договора в коробке из-под дрели. А сегодня курьер привёз третий.

— Алин, я всё объясню.

— Не надо. Я уже всё посчитала.

Она оборачивается. Глаза сухие, и это хуже всего. Если бы она плакала, у меня был бы шанс её обнять. С бухгалтером, который закончил сверку, обниматься бесполезно.

— Подушка, — говорит она. — Шестьсот тысяч. Ноль. Три займа, остаток триста сорок две тысячи. Ты платил им восемь месяцев, а я думала, что у тебя порезали премию. Я тебя жалела, Артём. Я покупала тебе тот сыр, который ты любишь.

Сыр я помню. Сыр был отличный.

— Я почти закрыл. Осталось меньше года. Я хотел всё погасить и потом рассказать.

— Вчера я спросила про ипотеку.

— И я перевёл.

— Вот именно, — кивает она. — Ты ответил честно. Ты всегда отвечаешь честно на тот вопрос, который тебе удобен.

Возразить нечем. Я шесть лет писал код без единой лишней строки и, оказывается, научился так же разговаривать с женой.

Мне бы промолчать. Но план на вечер у меня был, и я по инерции его выполняю.

— Меня сегодня уволили.

Алина замирает, потом коротко смеётся. Звук неприятный, будто кто-то уронил вилку.

— Конечно. Именно сегодня.

— Я серьёзно. Весь отдел. Искусственный интеллект, я сам его настраивал. Две недели отработки, две зарплаты. Я как раз хотел тебе вечером рассказать.

— Про работу?

— Да.

— Только про работу, — говорит она. Без вопроса.

Двенадцать лет вместе. Конечно, она знала мой план раньше, чем я его составил.

Она берёт чемодан за ручку. Я становлюсь в дверях и сразу понимаю, как глупо выгляжу: взрослый мужик перегораживает проход хрупкой женщине своим телом, потому что других аргументов не осталось.

— Давай сядем. Давай хотя бы до завтра.

— Соня в машине. У неё мокрая голова, я забрала её из бассейна пораньше. Отойди, пожалуйста.

— Вы куда?

— В Казань, к маме.

— Надолго?

Она смотрит на меня так, как смотрит на годовой отчёт, в котором наконец сошлись все цифры.

— Артём, ты нас больше не увидишь. Ты не способен позаботиться ни о себе, ни о семье, и я устала с этим мириться. Пришло время подвести итог.

Я отхожу. Сам не знаю почему. Наверное, потому что перед итоговой строкой всегда отходишь.

* * *

Я тащу вниз Сонин чемодан, это всё, что мне разрешено сделать для семьи. На улице темно, с Волги дует так, что фонари кажутся замёрзшими. Наша машина стоит у подъезда с включённой печкой. Кредитная, между прочим. Платёж двадцатого.

Заднее стекло ползёт вниз. Соня сидит в шапке, натянутой до бровей, на коленях тетрадь.

— Пап, мама сказала, мы к бабушке.

— Я знаю.

— А ты когда приедешь?

Алина захлопывает багажник. У меня есть секунд десять, и я впервые в жизни не знаю, какой у этой задачи приоритет.

— Баг дня есть? — спрашиваю я.

Она сразу выпрямляется и открывает тетрадь, хотя в темноте ничего не видно. Шепчет, потому что мама садится за руль.

— Шаги воспроизведения. Первый. Выйти из бассейна раньше всех. Второй. Сесть в машину. Третий. Поехать к бабушке в среду.

— Ожидаемый результат?

— По средам мы дома.

— Фактический?

Она смотрит на маму, потом на меня. Девять лет. Ничего не понимает и понимает всё.

— Я пока не знаю, — говорит она. — Приоритет тоже.

В горле пересыхает, и несколько секунд я просто дышу на стекло.

— Принято в работу.

Соня кивает, открывает тетрадь с конца и прямо на колене выводит цифру. Я знаю какую. Семьсот тринадцать.

Стекло поднимается. Машина мигает поворотником, хотя на дороге никого нет. Алина всегда мигает поворотником.

* * *

Квартира выглядит так, будто из неё удалили половину файлов, а ярлыки оставили. На крючке пустые плечики. В ванной одна зубная щётка. На Сониной двери висит табличка «Вход только по задаче из трекера».

В холодильнике стоит кастрюля с супом и бумажка, приклеенная к крышке: *на три дня*. Даже сейчас. Алина всё делает аккуратно.

Я звоню ей четыре раза. На пятый механический голос сообщает, что абонент недоступен. Интересно, наш ИИ-агент уже умеет так говорить? Наверняка умеет, и лучше.

Телефон вздрагивает у меня в руке. Я хватаю его так, что чуть не роняю.

«Рубль до получки» напоминает: следующий платёж 14 ноября. Спасибо, что вы с нами!

Хоть кто-то со мной.

Я смотрю на кастрюлю. Потом на часы. Двадцать один ноль семь. Последний автобус на Казань уходит в девять сорок, и если я сейчас ничего не сделаю, то сяду на кухне и съем этот суп, и это будет означать, что я согласен с итогом.

Я надеваю куртку.

Глава 3. Улыбка удачи

В автобусе я единственный пассажир. За рулём дядя Рамиль, мой сосед снизу, а для всего Иннополиса просто Рамиль-абый[11]. Ему шестьдесят три, и он возит людей в Казань ещё с тех пор, когда на месте этого города была стройплощадка и двенадцать работяг.

— Артём! Ты чего на ночь глядя? Садись вперёд, там печка лучше.

Я сажусь вперёд. Он протягивает мне пакет с чак-чаком[12], не спрашивая. У него всегда есть чак-чак, жена печёт на всю дорогу, а Соне он каждый раз оставляет кусок в салфетке. Он называет её «главмех» и всерьёз обсуждает с ней шум в двигателе.

— Как там наш главный механик?

— Нормально, — говорю я и понимаю, что сейчас, если скажу ещё слово, разревусь в автобусе, как первоклассник.

Он косится на меня, потом на дорогу, потом включает радио потише. Больше ни о чём не спрашивает. Всю жизнь человек возит других людей и знает, когда надо молчать.

Только на мосту через Волгу он вздыхает.

— С нового года, говорят, пустят беспилотный. Уже ездит, тестируют. Сам рулит, сам двери открывает. Чай только не наливает.

— А вы?

— А я до тридцать первого. Сказали спасибо и грамоту дадут. Я разве против? Внуку показываю, он радуется. Говорит, дед, будешь отдыхать.

Он смеётся, но руль держит крепко, обеими руками, как будто автобус могут отобрать прямо сейчас.

Я мог бы сказать ему, что знаю, как это бывает. Что сегодня утром мне тоже сказали спасибо. Но я жую чак-чак и смотрю на огни.

У вокзала он останавливается и говорит мне в спину:

— Артём. Всё проходит. Я тебе как водитель говорю: ещё ни в одной пробке машины не остались стоять навсегда.

* * *

Домофон у тёщи старый, с кнопками, и звонит он так, будто в квартире работает циркулярная пила.

— Кто?

— Тамара Ивановна, это Артём. Мне поговорить с Алиной. На пять минут.

Динамик хрипит. Я представляю, как она стоит в коридоре в халате и смотрит на трубку.

— Они спят, — говорит тёща. — Иди домой, Артём.

Щелчок.

Я поднимаю голову. На третьем этаже, в маленькой комнате, горит ночник в виде совы. Этой сове я лично менял батарейку прошлым летом. Я стою минут двадцать, пока не перестаю чувствовать пальцы. Сова не гаснет. Спать при ней умеет только один человек в мире.

Значит, там. Значит, всё хорошо. Значит, можно идти.

* * *

Бар находится в подвале на пересечении Баумана и Университетской, и я выбираю его по единственному критерию: туда ведут ступеньки вниз. Внутри низкий потолок, пахнет мокрыми куртками и жареным луком. На экране без звука крутят хоккей. За стойкой бармен с лицом человека, который слышал всё, но никому не ответил.

— Что будем?

---

[11] Абый (тат.) — уважительное обращение к старшему мужчине, букв. «старший брат», «дядя».

[12] Чак-чак — татарская сладость из кусочков обжаренного теста, залитых мёдом.

— Что быстрее.

Он наливает. Я считаю. Это уже не решение, а привычка. Первая рюмка за Смирнова. Вторая за ИИ-агента, опечатки которого переживут меня. Третья за сыр. Четвёртая за шестьсот тысяч, которые где-то в цифровых пустотах греют чужую яхту.

На пятой я начинаю писать Алине длинное сообщение и пишу его двадцать минут. Там есть слова «понимаю», «изменюсь» и «Соня». Я стираю его целиком. На шестой пишу новое: *Прости*. Статус «не доставлено». Меня заблокировали. Это, конечно, логично. Я бы тоже закрыл доступ скомпрометированному пользователю.

К седьмой хоккей заканчивается, а зал пустеет. Я кладу телефон на стойку, поднимаю голову, потому что держать её опущенной стало тяжело, морщусь от ударившего по глазам света прожектора и вижу афишу.

Она висит на кирпичной стене, напротив меня, между огнетушителем и выцветшим плакатом какой-то рок-группы. Я готов поклясться, что раньше смотрел на эту стену, но пьяная память не принимается как доказательство.

Афиша ярко-зелёная, почти неприличная для этого подвала. Посередине нарисован четырёхлистный клевер с круглыми глазами и улыбкой на весь листок. Улыбка мне сразу не нравится: у клевера не может быть столько зубов. Или это листья так сложены. Я прищуриваюсь.

«Улыбка удачи». Решение всех проблем в один клик.

И чёрный QR-код внизу, слишком аккуратный для этой стены.
— Всех, — говорю я вслух.
— Чего? — отзывается бармен, не поднимая глаз.

— Всех проблем. В один клик. Отличное позиционирование. Я бы уволил того, кто это придумал, но сначала взял бы его контакт.

Бармен молча протирает стакан.

Я шесть лет объяснял родственникам, что нельзя сканировать QR-коды с незнакомых афиш. Я читал об этом доклад на корпоративе. У меня даже была презентация. Но что у меня ещё могут забрать? Подушка уже украдена, причём лично мной. Пусть попробуют взять остальное: посмотрю, как они оплатят мои займы.

Я слезаю с табурета, подхожу к стене, навожу камеру. Руки немного плывут, и код ловится только с третьего раза. Телефон коротко вибрирует.

Открывается белая страница. Никакого логотипа, никакого меню. Заголовок *Пользовательское соглашение* и бесконечная серая простыня текста, которая уезжает вниз под пальцем так быстро, что я не вижу слов. Внизу две кнопки. Зелёная: **Принять все**. Серая, маленькая: **Отказаться**.

За всю свою жизнь я прочитал ровно ноль пользовательских соглашений. Как и все. На этом держится мировая экономика.

— Давай, — говорю я клеверу. — Удиви меня.

И нажимаю большим пальцем на зелёную кнопку, не глядя.

Экран моргает. На секунду мне кажется, что в подвале стало тише, хотя тише тут уже некуда: даже холодильник за стойкой на мгновение перестаёт гудеть.

Телефон вибрирует ещё раз, коротко и мягко, как будто трётся о ладонь.

Добро пожаловать, Артём! День 1.

Я не вводил своего имени.

Эту мысль я успеваю додумать только до половины, а потом пол бара очень мягко поднимается мне навстречу.

Глава 4. Списание

Просыпаюсь с ощущением, что во рту кто-то нагадил, причём кошки, как принято говорить, на мой взгляд, на подобное не способны. Потолок незнакомый, с пятном в форме Африки. Рядом на соседней койке храпит мужик в тельняшке. Судя по запаху и табличке *Выселение до 11:00*, это хостел у вокзала. Как я сюда попал, в логах не сохранилось.

Семь сорок. Четверг. В голове медленно всплывает вчерашний день, и каждая его строка приходит с ошибкой. Уволен. Подушка. Чемодан. Соня.

Я тянусь к телефону, надеясь на сообщение от Алины. Сообщения нет. Есть уведомление из банка.

Покупка: 1,00 USD. SMILE OF LUCK. Остаток: 41 386,12 #.

Я смотрю на него секунд десять. Потом пытаюсь привстать с койки, что оказывается ошибкой, и решаю снова посмотреть на экран.

Один доллар. Мне бы смеяться: мошенники украли у меня меньше сотни рублей, такими темпами они разорят меня лет через шестьсот. Смущает другое. Моя карта не умеет платить в долларах. Я сам два года пытался оплатить ею сервер за границей и проклял всё на свете.

И тут вчерашний вечер догоняет меня окончательно. Бар. Зелёная афиша. Кнопка.

Я разблокирую телефон. На первом экране, между банком и мессенджером, там, где обычно лежит прогноз погоды, появилась новая иконка. Зелёный клевер на белом фоне, круглые глаза. Подпись: *Удача*.

Открываю. Приложение загружается мгновенно. Интерфейс чистый, отличная работа, я бы взял такого дизайнера. Сверху нарисован тот самый клевер, он подпрыгивает и машет листиком.

Привет, Артём! Я твой личный помощник по удаче! Я так рад, что ты с нами! Давай

начнём твой путь к успеху!

Под ним три строки:

Баланс удачи: 0

Ударный режим: 0 дней

Уровень: Новичок

Ниже карточка, а в ней тикает таймер.

Задание дня: улыбнись трём незнакомцам. До конца дня осталось 16:17:42. Не потеряй свой ударный режим!

Я смеюсь, и голова отзывается так, что я немедленно об этом жалею. Понятно. Вот что я подцепил: приложение для осознанности с подпиской. Кто-то очень постарался, чтобы продать мне улыбку за доллар. Завтра оно попросит сорок, потом начнёт присылать цитаты Марка Аврелия.

Но как оно списало доллары? И откуда знает моё имя?

Имя объясняется просто: банковский профиль. Доллары не объясняются никак. Я смотрю настройки, ищу разработчика, поддержку, политику конфиденциальности. Есть только одна кнопка: *Условия*. Нажимаю. Открывается белый экран с единственной строкой.

При неактивности более 7 суток учётная запись может быть удалена.

Вчера там была простыня на километр. Я отчётливо помню, как она ехала под пальцем. Или мне так кажется.

* * *

Бар я нахожу с третьей попытки. Днём это просто дверь в подвал с табличкой «Откроемся в 12». За ней кто-то гремит ящиками, и я стучу, пока мне не открывает девушка в фартуке, с бутылками под мышкой.

— Закрыто.

— Я вчера у вас был. Мне только на стену посмотреть.

Она оглядывает меня и, судя по лицу, делает вполне верный вывод о моём вчерашнем вечере. Но пропускает.

Вот стойка. Вот огнетушитель. Вот выцветшие рокеры. Между ними голая кирпичная кладка, и на ней нет ни следа скотча, ни дырки от кнопки. Кирпич как кирпич, чуть темнее сверху.

— Здесь висела афиша. Зелёная. С клевером.

— У нас нет афиш, — говорит девушка. — Хозяин не разрешает, стены исторические.

— Вчера вечером висела. Бармен видел, такой, с лицом.

— Вчера Дамир работал. Давайте я ему позвоню. — Она и правда набирает, зажав телефон плечом, говорит пару фраз по-татарски. Потом слушает и улыбается. — Говорит, вы весь вечер разговаривали со стеной. Потом он вам вызвал такси. А ещё вы должны ему за семь рюмок, которые он оплатил со своих чаевых.

Я расплачиваюсь. Я всегда расплачиваюсь.

Но решаю проверить телефон. История браузера пуста. Камера не сохранила ни одного снимка. Значит, я был пьян, в подвале могла висеть любая реклама, а приложение я мог скачать откуда угодно. У меня есть объяснение на каждый пункт, и все объяснения мне не нравятся.

Девушка ставит ящик на стойку. Я встречаюсь с ней взглядом и, сам не понимая зачем, улыбаюсь. Выходит криво, похмельно.

Телефон в кармане тихо вздрагивает.

1 из 3! Отличное начало!

Я медленно достаю его, смотрю на экран, потом на девушку. Она уже ушла за стойку.

Камера? Микрофон? Я проверяю разрешения приложения. В списке их нет вообще. Его самого в списке нет.

* * *

На работу я приезжаю к часу. Никто не спрашивает почему. Отдел выглядит как зал ожидания в аэропорту, откуда отменили все рейсы: все сидят на своих местах, никто не работает. Наташа заплаканная. Рустам надел наушники и смотрит в одну точку. Смирнов проходит мимо стекла бодрым шагом с бутылкой воды для марафонцев и показывает мне большой палец.

Я передаю агенту дела. Звучит смешно, но так оно и есть: пишу заметки о том, что и где лежит, а он отвечает *Спасибо, учту!* В перерыве в лифте я улыбаюсь курьеру, просто чтобы проверить.

2 из 3! Ты на верном пути!

Мне становится нехорошо, и на этот раз похмелье тут ни при чём.

Вечером я ем Алинин суп, стоя у плиты. В квартире такая тишина, что слышно, как в холодильнике включается реле. Без пятнадцати девять. В это время Соня должна докладывать о баге дня. Я сажусь на её кровать и сижу. Семьсот четырнадцатый. Сегодня столбик в тетради прервётся. Или нет. Интересно, что она сейчас делает. Может зажигает сову.

Я не замечаю, как проходит несколько часов. Экран загорается сам.

Артём, до конца дня осталось 7 минут! Не потеряй свой ударный режим! Клевер верит в тебя!

Клевер смотрит на меня с экрана и машет листиком. У него те же самые круглые глаза. Счётчик тикает.

И вот что меня бесит больше всего. Я знаю эту механику. Я сам такое проектировал, когда нас попросили поднять удержание в корпоративном портале. Таймер, страх потери, дружелюбный персонаж. Дешёвый приём. Работает на голубях. На меня, человека, который понимает, как это устроено изнутри, такое не подействует.

Я надеваю куртку и спускаюсь на улицу в тапках.

Иннополис в полночь пуст, как тестовая среда. По дорожке катится белый робот-доставщик, мигая фонариком. Я улыбаюсь ему, чувствуя себя идиотом. Ничего. Робот не считается. Спасибо за уточнение.

23:58. За стеклом круглосуточного магазина сидит охранник и смотрит что-то в телефоне. Я подхожу вплотную и, глядя на него сквозь стекло, скалюсь изо всех сил, от злости, всеми зубами сразу. Охранник поднимает голову и осторожно отодвигается вместе со стулом.

Телефон вибрирует, долго и радостно.

Задание выполнено! Молодец, Артём! Ударный режим: 1 день! Завтра будет ещё

лучше!

Я стою на морозе в тапках и смотрю, как цифра меняется с нуля на единицу.

Я сделал это назло, говорю я себе. Чтобы проверить гипотезу. Чистый эксперимент.

Охранник убирает телефон в карман и на всякий случай смотрит на меня ещё раз.

Глава 5. Ошибка в вашу пользу

Будит меня не будильник. Будит сообщение, и я читаю его трижды, сидя на кровати со свёрнутым одеялом на коленях.

«Рубль до получки»: договор № 4471-Б закрыт. Задолженность: 0,00 #. Спасибо, что были с нами!

Договор № 4471-Б — самый большой из трёх. Сто девяносто восемь тысяч рублей. Вчера они были, сегодня их нет.

Я открываю личный кабинет. Там зелёная галочка. Открываю банковскую выписку: никаких платежей я не делал. Я звоню на горячую линию, потому что в моей профессии есть одно железное правило: если баг работает в твою пользу, он всё равно баг, и рано или поздно за ним придут.

Бот долго просит меня назвать цель обращения. Потом соединяет с живым человеком, и голос у человека такой, будто он работает третьи сутки подряд.

— Да, вижу. Договор погашен. Ночью у нас была миграция базы, — говорит он, зевая. — Часть записей закрылась с ошибкой. Мы проверим.

— И что будет, когда проверите?

Я слышу, как он стучит по клавишам, потом перестаёт.

— Странно. Бэкап[13] тоже пустой. Здесь всё закрыто. Договор, история платежей, скан паспорта. Сначала вообще никаких следов не видно, понимаете? Вы у нас, получается, как бы и не брали. Если что-то появится, мы с вами свяжемся. Оцените, пожалуйста, разговор.

Я кладу трубку и сижу неподвижно.

Без пятнадцати восемь. На экране клевер прыгает на месте.

Доброе утро, Артём! Вчера ты был молодцом! Твой баланс удачи: +1. Удача любит

постоянных! Новое задание уже ждёт!

Баланс удачи плюс один. Мне стало на сто девяносто восемь тысяч легче, и приложение записало это как единицу.

Совпадение, конечно. Миграции ломают базы постоянно, я сам такое видел в проекте для одной страховой. Это ровно тот случай, когда надо помнить про систематическую ошибку: мозг ищет связи, потому что его так собрали. Мне вчера было плохо, и мне хочется верить в чудо, поэтому я подгоняю факты. У меня в отделе рядом с кофемашиной висел об этом плакат.

Я открываю задание.

Задание дня: скажи кому-нибудь комплимент от всего сердца.

От всего сердца. Посмотрим, как оно это будет проверять.

* * *

В офисе день третий из четырнадцати. Смирнов проводит общую встречу под названием «Новая глава», которая состоит из слайдов с графиками и слов благодарности. Я сижу в зад-

[13] Бэкапить (от англ. backup) — делать резервные копии данных.

нем ряду и пишу ему на листочке то, что скажу через две недели. Текст получается хороший, плотный. Без единой лишней строки.

После встречи Оксана ловит меня у кулера и тихо просит подписать лист ознакомления. Выглядит она так, будто в этой компании её тоже никто ни о чем не предупреждал.

— Извините, что я всё время с бумагами, — говорит она. — Мне правда очень неудобно.

Двадцать пять лет, синяки под глазами, папка в руках. В среду она, наверное, сидела на двенадцати таких разговорах подряд, а вечером как ни в чем не бывало поехала домой на автобусе.

— Оксан, — говорю я, и сам не ожидаю, что это прозвучит так. — Вы единственная из всех, кто за эти дни посмотрел мне в глаза. Спасибо.

Она краснеет и вдруг мигает часто-часто.

Телефон вздрагивает у меня в кармане.

От всего сердца! Задание выполнено! Ударный режим: 2 дня! Ты рас-

тёшь!

Я не хотел. То есть хотел, но не поэтому. Я сказал это по-настоящему, и теперь эта искренность засчитана как выполненная задача. Как будто кто-то стоит за плечом и ставит галочки в моём трекере. Мне хочется вымыть руки.

Вместо этого я подписываю лист и иду передавать дела.

* * *

Домой я возвращаюсь в темноте. Весь день я ловил себя на том, что считаю. Сто девяносто восемь тысяч минус. Осталось сто сорок четыре тысячи четыреста. С двумя зарплатами я закрою их до Нового года. Я ещё мог бы написать об этом Алине, если бы меня не заблокировали. Я мог бы написать: «Смотри, стало меньше». Как ребёнок, который несёт матери дневник с пятёркой после вчерашнего замечания за нарушение дисциплины.

Облегчение это неприятное, какое бывает после того, как проглотил что-то, не прожевав. Но всё-таки облегчение. Я захожу в подъезд почти бодрым шагом, и на меня тянет табаком.

Дядя Рамиль сидит на ступеньках у лифта, не снимая форменной куртки с логотипом. Никогда раньше я не видел, чтобы он курил. Рядом лежит шапка, а на шапке бумажка.

— Рамиль-абый? Вы чего здесь?

Он поднимает голову. Глаза у него красные, а лицо спокойное и какое-то слишком аккуратное, как прибранная комната после похорон.

— Да вот, Артём. Домой иду, сижу. Ещё немного посижу, и пойду. Жене как сказать, думаю.

Он протягивает мне бумажку. Я узнаю формат. Уведомление, подпись, печать.

— Они ведь обещали до тридцать первого, — говорит он без обиды, будто рассказывает про погоду. — А сегодня утром звонят: беспилотный уже можно, разрешение пришло раньше срока. Прямо с сегодняшнего дня. Говорят, повезло, редко так быстро дают. Ну, им повезло. Сказали сдать ключи сегодня. Двенадцать лет маршрут вожу, ни одной аварии. Ключи сдал и пошёл пешком.

Я держу листок. Дата сегодняшняя. Время приказа 07:30.

Сообщение про мой договор пришло в 07:12.

— Вы главмеху передайте, — говорит он и пытается улыбнуться. — Чак-чак будет теперь только по заявке.

Я что-то отвечаю, и потом сам не могу вспомнить что. Поднимаюсь к себе пешком на шестой этаж, хотя лифт стоит рядом. На третьем пролёте телефон вздрагивает.

Отлично поработал сегодня, Артём! Удача улыбается тебе!

Глава 6. Ударный режим

К концу недели я перестаю спорить с телефоном и начинаю с ним здороваться. Шучу, конечно. Хотя, как знать.

Я следую простому правилу: это забавный эксперимент. Задания ничего не стоят. Покормить голубей. Записать три вещи, за которые я благодарен. Пройти десять тысяч шагов. Выпить стакан воды сразу после пробуждения. Половину этого мне советовал терапевт на диспансеризации. Если вдруг это дурацкое приложение и правда работает, значит, я всего лишь веду здоровый образ жизни и держу под контролем таймер. Какая разница, кто мне напоминает.

А удача приходит. Мелкая, как сдача. В пятницу я нахожу в зимней куртке пять тысяч рублей, которых там никогда не было. В субботу звонит страховая: при перерасчёте выяснилось, что я три года переплачивал, и они вернут сорок две тысячи.

В воскресенье я стою у плиты и режу лук, когда приходит письмо от криптобиржи. Тема: *Ваш портфель вырос!* Такие письма я удаляю не читая, но руки у меня мокрые, и вместо корзины я попадаю костяшкой пальца в текст.

С весны на счёте лежит горстка монет, оставшихся после моих опрометчивых инвестиций. Она была настолько бессмысленной, что я не стал её продавать: комиссия съела бы больше. Какая-то шуточная монета с собакой в шапке, название я забыл. Ночью кто-то очень богатый написал про неё в соцсети, и она выросла в двадцать раз.

Девяносто шесть тысяч. Я трижды обновляю страницу. Потом вытираю руки о штаны, как перед чем-то хрупким, и нажимаю «Продать». Подтвердить. Ещё раз подтвердить. Ввести код из СМС. На часах ровно четыре.

Суп в этот вечер пересолен. Я ем его стоя и улыбаюсь.

Ударный режим: 4 дня! Уровень: Счастливчик! Ты в топ-1 наших пользователей!

Единственный пользователь, думаю я. Первое место из одного. Это смешно, и я смеюсь, один, на кухне, над первой кастрюлей супа, которую сварил сам.

Вечером я перевожу деньги в «Рубль до получки» и две другие конторы. Закрываю всё. Ноль. Я восемь месяцев мечтал увидеть эту цифру. Смотрю на неё минут пять и не чувствую ничего, кроме желания кому-нибудь её показать. В квартире показывать некому.

Ильдар звонит сам. Мы вместе начинали когда-то в этой компании, а года три назад он ушёл и теперь сидит в Казани на фрилансе: ест плов, ворчит на заказчиков и за неделю зарабатывает больше моего.

— Братан, слышал про ваших. Рустам рассказал. Ты как вообще? Живой?

— Нормально.

— Слушай, у меня тут клиент сошёл с ума и просит всё до конца месяца. Один я не вытяну. Вечерами поможешь? Платит как за троих. Прямо сегодня утром написал, вообще из ниоткуда.

На экране клевер показывает мне большой лист вверх.

— Давай, — говорю я.

* * *

Самое хорошее случается в понедельник.

Я не жду этого. Я уже который день пишу Алине письма на почту, потому что почту заблокировать сложнее. Я не прошу ничего. В последнем прикладываю справки о закрытии всех трёх договоров и одну строчку: *Я понимаю, что это ничего не меняет. Просто хотел, чтобы у тебя сошлись цифры.*

В два часа дня, когда я объясняю агенту, почему в одном старом модуле нельзя трогать третий параметр, приходит ответ. Четыре слова.

Сегодня в 20:00. Телемост.

Я читаю их, встаю и выхожу на лестницу. Там, между этажами, у окна с видом на белые дома, стою минут пять и просто дышу.

В восемь вечера я сижу за столом в чистой рубашке. Рубашку я погладил. Не знаю зачем, Соне всё равно. Я двадцать минут выбирал, какой угол комнаты выглядит менее заброшенным.

Звонок. Сначала на экране потолок и рука Алины, потом лицо. Она немного похудела. Видимо, как обычно, ничего не ест, когда перенервничает. Волосы забраны, как на работе. Смотрит не на меня, а куда-то рядом с камерой.

— Двадцать минут, — говорит она. — Я буду рядом. Про то, когда ты приедешь, не говори. Ни слова. Понял?

— Понял. Спасибо.

— Это не для тебя.

— И всё же…

И экран заполняет Соня. У неё новая пижама, бабушкина, с зайцами. Она смотрит на меня серьёзно, как начальник на сотрудника, вернувшегося из долгого отпуска.

— Привет, — говорит она.

— Здравствуйте, товарищ главный механик.

Мы молчим. Я вижу, что она что-то решает. Потом она наклоняется, исчезает из кадра и появляется снова. В руках тетрадь в клетку.

— Баг дня, — говорит Соня.

Я закрываю рот рукой, делаю вид, что чешу подбородок.

— Докладывайте.

— Шаги воспроизведения. Первый. Лечь спать у бабушки. Второй. Включить сову. Ожидаемый результат. Сова зажигается.

— А фактический?

— Батарейка села.

Она смотрит на меня. Я смотрю на неё.

— Приоритет? — говорю я. Голос у меня чей-то чужой.

— Средний, — подумав, отвечает она. — Я привыкаю.

— Принято в работу.

Она кивает. Двадцать минут пролетают за секунду. Мы успеваем обсудить, что новая учительница физкультуры ходит в кроссовках с крыльями, что бабушка кладёт в суп слишком много лука и где у неё дома можно поискать новую батарейку для совы. Рамиль-абый просил передать привет, говорю я, а сам думаю, что не видел его с пятницы, а свет у них на кухне горит всю ночь.

Экран гаснет. Я сижу, улыбаюсь в чёрное стекло и не могу остановиться.

Телефон лежит рядом. На нём горит уведомление.

Достижение: «Семейные ценности»! Ты заслужил это, Артём! Ударный режим: 5 дней!

Улыбка медленно сползает с лица. Но если честно, не до конца. Мне стыдно это признавать, но в ту секунду я думал только об одном: завтра надо обязательно зайти.

Я открываю задание, и тут за стеной, снизу, раздаётся глухой звук, будто на пол уронили мешок. Потом крик. Женский, короткий. Потом топот на лестнице.

Через восемь минут под окном мигает синий свет. Я стою у стекла и смотрю, как двое в форме выносят из подъезда носилки. Жена дяди Рамиля бежит рядом в домашних тапочках, в ноябре, по снегу, и держит над ним его рабочую куртку с логотипом, как будто на него может накапать дождь.

Глава 7. Обратная связь

Инфаркт. Реанимация в Казани. Об этом мне рассказывает соседка у почтовых ящиков, понизив голос, как говорят о чём-то неприличном. Шестьдесят три, а сердце, сами понимаете, он же последние дни и не ел толком.

Я дважды порываюсь поехать в больницу и дважды понимаю, что мне там нечего делать. Я кто? Сосед с шестого этажа. Я перевожу его жене деньги на карту, по номеру телефона, двадцать тысяч, без подписи. Она присылает в ответ молитвенно сложенные ладони и слова: «Рахмат[14], балам[15]. Доктор говорит, ещё есть надежда». И от этого становится только хуже.

Совпадение, повторяю я себе. Шестьдесят три года, стресс. Человек потерял работу, я тоже потерял, и что? Я же тут ни при чём. Я улыбался курьерам.

Ударный режим: 8 дней. Уровень: Везунчик.

Остаётся четыре рабочих дня. Планы на завтра, которые я записал в тот день, всё никак не наступают, но сегодня я прихожу в офис с ощущением, что больше не боюсь ни одного человека в этом здании. Такое бывает, когда у тебя на счёту впервые лежат деньги и нет ни одного долга. Смирнов на этаже здоровается со мной, и я не отвечаю. Просто прохожу мимо с чашкой. Удивительно, насколько это приятно.

Сегодня большой день. К одиннадцати приезжает делегация от главного заказчика, которому Александр Викторович уже месяц обещает показать будущее. Будущее зовут искусственный интеллект. Показ проходит в большой переговорной со стеклянной стеной, на стене экран, а у экрана лично Смирнов в новом пиджаке. Я узнаю об этом случайно: нас, ещё не ушедших, попросили «не шуметь в коридоре и выглядеть занятыми».

Наташа подвигает ко мне стул.

— Сейчас он им в прямом эфире закроет задачу от начала до конца, — говорит она тихо. — Я вчера ему помогала настраивать. Понимаю, что это не совсем правильно, но мне тоже нужна рекомендация.

В задании на сегодня написано: *Посмотри, как всё встаёт на свои места.*

Я делаю глоток кофе.

Ровно в 11:14 за стеклом что-то происходит. Я вижу это не на экране, а по спине Смирнова. Спина перестаёт быть спиной марафонца. Она становится спиной человека, который случайно уронил телефон в унитаз и ещё не успел это осознать.

В отделе разом вспыхивают мониторы. У Рустама сыплются красные строки. Потом у Наташи. Потом начинает звонить телефон на чьём-то пустом столе.

Рустам снимает наушники впервые за неделю.

— Народ, — говорит он спокойно. — Кто-нибудь разрешал ему накатывать миграцию на прод[16]?

---

[14] Рахмат (тат. рәхмәт) — спасибо.

[15] Балам (тат.) — дитя моё; ласковое обращение к младшему.

[16] Прод (от англ. production) — рабочая система, которой пользуются реальные клиенты. Накатить миграцию на прод —

Я подхожу и смотрю через его плечо. Понимаю за четыре секунды, потому что шесть лет назад сам написал это условие, а потом сам научил агента ему следовать. Третий параметр. Тот самый, про который я объяснял ему в понедельник и о котором он вежливо ответил: *Спасибо, учту!* Он учёл. Он увидел в модуле устаревшую логику и прямо на глазах у заказчика оптимизировал её вместе с боевой базой всех клиентов. Логи показывают это с идеальной пунктуацией. В комментарии к коммиту опечатка в слове «инициализация».

Смирнов выходит из переговорной. За ним закрывается стеклянная дверь, а там, за стеклом, сидят люди с очень прямыми спинами. Он быстро идёт к нам. Лицо у него белое, и в его глазах я впервые за шесть лет вижу живого человека.

— Артём. Артём, ты видел? Что это? Сколько надо на откат[17]? Там клиенты. Там заказчик сидит, я им сказал, что это техническая пауза.

— Бэкап был настроен на агента, — говорит Рустам, не поворачиваясь. — Он его тоже оптимизировал.

Смирнов хватает меня за рукав. За рукав. Он никогда меня не трогал, кроме рукопожатия на корпоративе.

— Артём. Ты единственный, кто знает, как это устроено. Ты же сам всё настраивал. Выручай. Мы же команда.

Я смотрю на его руку, потом на него. В отделе становится очень тихо. Наташа смотрит на меня. Рустам смотрит. Оксана застыла у кулера с папкой.

Текст на листочке лежит у меня в заднем кармане вторую неделю, я выучил его наизусть. Но то, что я говорю, оказывается намного короче.

— Александр Викторович. Вы сказали, что я передал ему всю экспертизу, вот и обратитесь к нему. Он не болеет. Не просит отпуск. Готов работать даже ночью.

Рустам издаёт звук, похожий на кашель. Смирнов открывает рот.

— Ты понимаешь, что мы можем потерять контракт? Двести миллионов. Я тебе заплачу. Сколько ты хочешь?

— Я на отработке, — говорю я, забирая рукав. — В моих обязанностях значится передача дел. Дела я передал. Вот только, боюсь, он учёл их по-своему.

Я допиваю кофе. Ставлю чашку на стол Рустама.

— Надеюсь, я всё ещё могу рассчитывать на хорошую рекомендацию, мы же всё-таки почти семья…

Наклоняюсь к его лицу и говорю тихо, почти шёпотом:

— Оцените, пожалуйста, этот разговор. От одного до пяти.

Кто-то в глубине отдела начинает хлопать. Кажется, это Наташа. Потом Рустам. Потом, совсем тихо и один раз, Оксана.

* * *

Конечно, к трём часам они мне перезванивают, и к пяти я называю цифру. Такую цифру я никогда в жизни никому не называл. Смирнов молчит в трубке секунд двадцать, а потом соглашается. Юристы присылают договор. Ночью я и Рустам поднимаем базу из логов транзакций, которые я когда-то на всякий случай складывал на отдельный диск, и которые агент никогда не видел. К рассвету всё работает. Цифра приходит на счёт в 06:40.

Я выхожу из здания. Город только начинает светлеть, белые дома стоят розовые, чистые и ровные. Снег скрипит. Ветер, впервые за всё время, что я здесь живу, не дует.

Я стою посреди пустой площади с рюкзаком, не спал больше суток и смеюсь. Сначала тихо, потом в голос. Я только что поставил на место человека, который выбросил меня как старый чайник. Я богат. Не навсегда, не как в кино, но я могу нанять адвоката, могу платить

применить изменения структуры базы данных прямо к ней.

[17] Откат — возврат системы или базы данных к прежнему состоянию, как будто изменений не было.

алименты, могу прийти к тёще в нормальном пальто. Я, Артём Лукин, неудачник и обманщик, только что выиграл. Двадцать лет я ждал такого утра.

Лучший день за много лет. Может быть, лучший вообще.

Телефон вибрирует. Я достаю его, ещё смеясь.

На экране клевер запускает салют из маленьких листиков, очень красивая анимация. Дизайнеру надо заплатить премию.

Достижение: «Первая победа»! Спасибо, что выбрали нас! Твой баланс удачи: *+14!*

Время на уведомлении: 06:41.

Сразу под ним лежит второе, из мессенджера. Номер жены дяди Рамиля. Она, наверное, писала его дрожащими пальцами и отправила всем контактам разом.

Сегодня в 06:40 мой Рамиль умер. Простите, если что было не так. Джаназа в полдень.

Глава 8. Логи

Хоронят его в тот же день, как и положено. Снег на сельском кладбище под Верхним Услоном лежит ровный и нетронутый, мужчины стоят чёрным рядом, женщин оставили дома. Я не знаю слов и не знаю, куда девать руки. В последний момент кто-то из родни передаёт мне лопату, и я бросаю на тёмную доску три раза мёрзлую землю. Внук Рамиля, парень лет шестнадцати, смотрит на меня и говорит: спасибо, что пришли, дедушка про вас рассказывал. Говорил, у вас дочка очень умная.

Я успеваю дойти до дороги, прежде чем меня выворачивает в сугроб вчерашним ужином.

В автобусе, который везёт меня обратно, нет водителя. На передней панели мягко светится экран: *Спасибо, что выбрали нас!* Двери закрываются сами. В салоне очень чисто. Там, где всегда лежал пакет с чак-чаком, теперь стоит пластиковый держатель для антисептика.

Телефон вздрагивает у меня в кармане. Утром на площади я открыл приложение, ещё смеясь, и даже не прочитал задание дня.

Задание выполнено: побудь рядом с близкими. Ударный режим: 10 дней! Так держать,

Артём!

Я смотрю на него сорок минут, до самого дома.

* * *

Я программист, и когда система ведёт себя необъяснимо, у меня есть только один способ не сойти с ума. Логи.

Я сажусь за кухонный стол, открываю таблицу и начинаю восстанавливать всё по минутам. Столбцы я называю просто: *Дата. Время. Удача. Сумма. Событие рядом. Пострадавший. Время события.* Данные беру из банка, почты, истории сообщений, фотографий с геометками. Спрашиваю соседей. Звоню Рустаму под предлогом рекомендации друг другу и по крупицам восстанавливаю полную хронологию событий. Пишу Наташе. Работаю всю ночь, как в лучшие годы, и мне почти хорошо: пока пальцы заняты, голова молчит.

К семи утра таблица готова.

Пять тысяч в куртке, 09:12. В 09:15 у соседки Лилии Маратовны на третьем этаже срывается кошелёк в шахту лифта. Там было пять тысяч сто.

Возврат от страховой, 11:40. В 11:43 у Рустама страховая отказывает матери в выплате.

Девяносто шесть тысяч от биржи, воскресенье, 16:00. Воскресенье, 16:02: у Наташи в машину въезжает снегоуборщик.

Письмо Алины с четырьмя словами, 14:03. В 14:05 мужа Оксаны увольняют с завода.

Договор № 4471-Б, 07:12. Приказ о сокращении Рамиля, 07:30. Это единственный случай, где интервал больше пяти минут. Я смотрю на него долго, а потом вспоминаю. Приказ готовили с утра, подписали в 07:30, но позвонили ему раньше. Я пишу его внуку. Ответ приходит сразу: дед вышел на смену в семь, ему позвонили в 07:14.

Двадцать три строки. Двадцать три совпадения. Интервал от одной до трёх минут.

Вероятность я считаю дважды, потом ещё раз на всякий случай. Число выходит с таким количеством нулей после запятой, что я перестаю его читать. Я делаю то, что делал всегда,

когда не верил результату: ищу ошибку в данных. Отбрасываю мелочи. Беру только суммы больше тысячи. Сдвигаю окно. Беру случайные дни из прошлого года для контроля: там ничего. Ни одной строки. Пустота.

Я откидываюсь на стуле. За окном начинает сереть.

Задачу, которую я не хотел себе ставить, таблица сформулировала сама. Все эти люди находятся от меня на расстоянии одного-двух рукопожатий. Сосед. Соседка. Коллеги. И сумма примерно совпадает. Удача не берётся из воздуха. Где-то рядом у кого-то из кармана вынимают столько же.

Рамиль сердцем заплатил за мой лучший день. Ровно в ту же минуту.

Очень хочется, чтобы это оказалось бредом. Бред, по крайней мере, лечится.

* * *

Звонок в дверь застаёт меня врасплох.

На пороге стоит Ильдар с пакетом самсы и смотрит на меня, как смотрят на сервер, который вот-вот сообщит об ошибке.

— Ты не отвечаешь с позавчера. Клиент бесится. Братан, ты вообще спал? Ты выглядишь как логотип хоррор-квеста.

Я веду его на кухню, разворачиваю ноутбук и говорю всё. Подряд. Бар, афиша, доллар, задания, таблица. Я слышу себя и понимаю, как это звучит, но остановиться уже не могу. Ильдар садится, ставит самсу на стол и молча листает мои строки. Он лучший аналитик из всех, кого я знаю, поэтому я и говорю ему всё это.

Пролистав до конца, он долго молчит.

— Покажи приложение, — говорит он.

Я кладу телефон перед ним, разблокировав экран. Вот иконка. Вот клевер, он машет листиком.

Привет, Артём! Сегодня отличный день для отличных дел!

— Вот, — говорю я.

Ильдар смотрит на экран. Потом на меня. Потом снова на экран. Берёт телефон и проводит пальцем.

— Что вот?

— Приложение. Клевер. Прямо у тебя в руках.

Он поворачивает телефон ко мне. Я вижу клевер, он улыбается мне из рук Ильдара и подмигивает. Подмигивание я раньше не видел. Новая анимация.

— Тёма, — говорит Ильдар очень осторожно, и мне становится страшнее, чем на кладбище. Он никогда не называл меня Тёмой. — Здесь погода.

— Что?

— Виджет с погодой. Минус девять, снег. Ты мне сейчас показываешь на погоду.

Я забираю телефон. Клевер смотрит на меня. Я открываю выписку.

— Вот! Один доллар! SMILE OF LUCK! Это видно?

Ильдар надевает очки.

— Вижу, — соглашается он. — Какая-то подписка. Они постоянно такие списывают, забудешь и платишь годами. Ты пьяным куда-то нажал.

Он бережно, двумя руками закрывает ноутбук.

— Слушай меня. Ты за две недели потерял работу, семью, и соседа только что похоронил. Ты неделю не спишь. Ты свёл в таблицу двадцать три совпадения, потому что твой мозг делает то, что он умеет лучше всего: ищет закономерность там, где очень больно. У меня так было, когда мама болела. Я считал, сколько раз она кашлянула. Давай я тебе кое-кого найду. Хорошего, нормального врача. Просто поговорить.

— Ты мне не веришь.

— Я тебе верю, — говорит он. — Я верю, что тебе очень плохо. Ешь самсу.

Он уходит через час, взяв с меня обещание лечь спать. Я стою в коридоре и слушаю, как в подъезде затихают его шаги.

Я сажусь на пол прямо у двери, открываю приложение и нажимаю *Условия*, как нажимал уже раз сто. Может быть, в этот раз там появится хоть что-то: параграф, сноска, адрес для жалоб, цена.

Белый экран. Одна строка.

При неактивности более 7 суток учётная запись может быть удалена.

Может быть. Удалена.

Я читаю это как инженер. Там написано не «будет». И не написано, что именно считается учётной записью.

Глава 9. Тестовый пропуск

Гипотеза простая. Если удача оплачивается бедами людей вокруг меня, то день без удачи должен быть днём без бед. Если я не выполню задание, ничего никому не будет. Рядом останутся живы и здоровы все, у кого сегодня ещё есть кошельки и сердца.

Элементарный эксперимент: одна переменная, контрольная группа, чёткие критерии. Воскресное задание я не открываю. Критерии записываю в таблицу и ложусь спать в девять вечера, впервые за много дней, с телефоном, убранным в ящик стола.

Утром я просыпаюсь, потому что мне на лицо капает.

Сверху протекла труба. Прямо над подушкой. Шесть лет не текла, а сейчас потекла, холодной ржавой водой с запахом мокрой собаки. Я перекладываю постель, ищу тазик и ударяюсь мизинцем об угол кровати с такой силой, что вижу все версии своей жизни сразу.

Открываю ящик. На телефоне ровно одно уведомление.

Вчерашний день не засчитан. Клевер скучает! Задание дня: помоги тому, кто рядом. Не

потеряй свой ударный режим!

Я кладу его обратно.

Кофе у меня заканчивается, когда я насыпаю вторую ложку. Хлеб плесневеет прямо в упаковке. Кран на кухне начинает выть. Я выхожу из квартиры, и лифт останавливается между этажами на тридцать четыре минуты. Диспетчер говорит, что такого не было с момента сдачи дома.

На улице мне на плечо садится голубь и делает то, что делают голуби. Я клянусь, он смотрит мне в глаза. В Иннополисе почти нет голубей. Я видел здесь максимум троих. Я кормил их неделю назад, по заданию.

Я стою посреди белой улицы и, сам того не ожидая, начинаю хихикать. Потому что это смешно. Такая мелкая, такая детская месть. Система обиделась и бросается в меня отходами.

Проходная не пускает меня с первого раза, зато пускает со второго. Кофемашина в офисе ломается ровно на мне. У клавиатуры западает пробел. Шнурок рвётся. В столовой мне приносят суп с волосом, потом котлету с другим волосом. Рустам наблюдает за этим и говорит, что я, кажется, прогневал какое-то древнее офисное божество.

Но я всё записываю. И вот что важно: я хожу по отделу и задаю людям дурацкие вопросы. Как дела? Как мама, Рустам? Всё нормально с машиной, Наташ? Оксана, муж как? Я звоню родителям, просто так, первый раз за месяц. Мама удивляется, спрашивает, не заболел ли я, и рассказывает про рассаду на даче, которую они готовят к весне за полгода. Отец болеет за «Ак Барс». У них всё хорошо.

У всех всё хорошо.

В шестнадцать ноль ноль Наташе перезванивают из страховой и говорят, что машину восстановят полностью. У Рустама мать выходит на улицу впервые за неделю. Оксане муж присылает сообщение, что нашёл новую работу, и она смеётся у кулера, закрыв рот ладонью. Я впервые слышу её смех. Он у неё громкий и совершенно не подходит к должности эйчара.

Я сижу за столом. У меня горит большой палец, порезанный об лист бумаги. В носке мокро. На куртке затёртый след от птичьей неожиданности. Весь день всё вокруг меня идёт наперекосяк, и ни одна беда не упала ни на кого, кроме меня.

Я не помню, когда в последний раз был так счастлив. Гипотеза подтверждена. Это работает в обе стороны. Значит, это можно просто прекратить. Больше не будет ни строчек в таблице, ни носилок, ни чёрной шеренги на снегу. Я буду наступать в лужи, проливать кофе и ломать пальцы на ногах хоть до самой старости. Я согласен. Такая цена меня устраивает: я согласился бы на неё сразу, если бы кто-то спросил.

Дома я выбрасываю тазик и ложусь на мокрый матрас, прямо в одежде. За окном снег. Без десяти двенадцать телефон в ящике вибрирует так, что дребезжат ручки.

Я лежу. Девять минут. Восемь. Четыре. Я смотрю в потолок на расползающееся пятно. Оно немного похоже на Африку. Две минуты.

Ящик замолкает.

Полночь. Я дождался. Я выиграл у телефона. В тишине я жду, что что-нибудь случится, и ничего не случается. Только вода капает в пустоту там, где раньше стоял тазик.

Ровно через минуту приходит новое уведомление. Я встаю, открываю ящик и читаю, стоя босиком.

Два дня не засчитаны. Ничего страшного, Артём, такое бывает у всех! Но будь осторожен: не потеряй то, что тебе дорого!

Я читаю ещё раз. «То, что тебе дорого». Шаблонная фраза. Копирайтер писал её про ударный режим.

Я не успеваю положить телефон. Экран меняется сам. Обычное сообщение на почту, с адреса, с которого мне неделю не приходило ни одного лишнего слова.

Соня заболела. Температура 39 и 4, второй день. Она зовёт тебя. Приезжай, если можешь. Хоть на час.

Глава 10. Подтвердить

Первый автобус без водителя уходит в шесть ноль пять. Я еду один. Экран желает мне хорошей дороги, и я смотрю в окно на тёмное поле и на всякий случай вслух, тихо, говорю самому себе: это грипп. Дети болеют гриппом. В ноябре. В школе. Весь класс лежит. Это никак не связано. Ни один ребёнок на планете не заболел из-за того, что его отец не улыбнулся голубю.

Тёща открывает дверь и пропускает меня без единого слова. Это впервые. Значит, дело плохо. Или она просто устала.

В коридоре пахнет уксусом и малиной. Алина выходит из комнаты в старом мамином халате, с мокрым полотенцем в руке, и на мгновение мы просто смотрим друг на друга. Мы не виделись почти две недели. Я думал, что подготовил какие-то слова. Но они куда-то делись.

— Врач был? — спрашиваю я.

— Был. Грипп, — говорит она. — Сказали ждать. Температуру сбиваем, держится. Ночью бредила. — Она сглатывает. — Спрашивала, закрыл ли ты тикет.

— Какой тикет?

— Я не знаю, Артём. Иди.

На маленькой кровати под ковром с оленями лежит Соня. Я и не знал, что она может стать такой беспомощной. Волосы прилипли ко лбу, щёки горят, губы сухие. Сова светит ей в лицо ровным зелёным светом. Значит, батарейку всё-таки нашла.

Я сажусь на пол рядом и беру её за руку. Рука горячая, сухая, как батарея.

Соня открывает глаза.

— Пап.

— Да, товарищ главмех.

Она долго смотрит на меня, будто подгружает данные. Потом шарит рукой под подушкой и вытягивает тетрадь в клетку. Тетрадь падает на одеяло.

— Баг дня.

— Тебе нельзя. Отдыхай. Доложишь потом.

— Нет, — говорит она с ужасающей серьёзностью. — Надо. Пропускать нельзя.

Я открываю тетрадь с конца, чтобы посмотреть, что с её столбиком. И перестаю дышать.

Вот 712. Вот 713, выведенная на колене, кривая. Потом четыре пустые клетки, по одной на каждый вечер без меня. Потом 714: день телемоста. И снова пустые клетки, семь штук. Она оставляла место.

— Тут дни пропущены, — говорю я.

Соня кивает. Каждое слово даётся ей с трудом, и она произносит их так, будто объясняет новичку очевидное правило.

— Пропущенные дни не считаются. Но и заново не начинаем. Серия не обнуляется. Просто ждёт.

Весь воздух уходит из комнаты.

Я слышу собственный голос откуда-то издалека.

— Кто тебе это сказал?

— Никто, — удивляется Соня. — Я сама так решила.

Она закрывает глаза. Я сижу, держа в руках тетрадь, а в кармане куртки в коридоре молчит телефон, и я слышу, как он молчит, через стену.

— Шаги воспроизведения, — шепчет она. — Первый. Позвать папу. Ожидаемый результат. Папа приехал.

— Фактический?

Она улыбается, не открывая глаз, потрескавшимися губами.

— Папа приехал. Совпало. Закрывай.

Я беру ручку. Она у меня падает, и я поднимаю её. В последней графе я ставлю галочку, и галочка получается кривая, как у семилетнего.

— Принято, — говорю я. — Закрыто.

* * *

На кухне Алина ставит передо мной чай и садится напротив. Я просидел у Сони полдня, и никто ни разу не сказал, что мне пора.

— Спасибо за справки, — говорит она. — Я их проверила. Всё закрыто. Я не понимаю откуда, но это твои деньги, я сверила. И Наташа мне написала. Про Смирнова. Там, говорят, весь город смеётся.

Мне нужно бы обрадоваться.

— Алин, я…

— Подожди. — Чашка тихо звенит о блюдце, и Алина убирает руки под стол. — Две ночи я считала ей дыхание. По минутам, в таблицу, представляешь? Я не знала, что ещё делать. Мама спала, а я записывала и думала: кому мне сейчас позвонить? Единственный номер, который я помню наизусть, заблокирован. Мной же.

Она коротко смеётся, как в тот вечер, будто снова уронили вилку, и вытирает щёку тыльной стороной ладони. Быстро, как стирают ошибку в ведомости.

— Ты изменился. Выглядишь ужасно, но как-то иначе. Соня ждёт тебя, и я не могу делать вид, что этого нет. Я ничего не обещаю. Но если у тебя будет нормальная работа, если не будет никаких тайн, никаких коробок из-под дрели… Мы поговорим о встречах. О регулярных. Может быть.

Две недели назад я отдал бы за эти слова почку. Я и сейчас отдал бы. Вот только теперь я точно знаю, что почку попросят не у меня.

— Никаких тайн, — говорю я.

Вот и всё, что я умею. Честно отвечать на удобный вопрос.

На выходе из подъезда звонит телефон. Это Ильдар, и я беру трубку, потому что мне нужно хоть что-то слышать.

— Ты живой? Слушай, не бросай трубку. Я не про врача. Я тут всю ночь думал про то, как ты тогда с тем агентом поступил, с логами транзакций. Вся Казань про это говорит. Брат, это же продукт. Страховка от дурака для ИИ-агентов. Откат всего, что они наделали, одной кнопкой. На этом сейчас можно поднять таких денег. У меня уже два человека спрашивают. Я один не потяну, а ты единственный, кто это умеет. Свой стартап[18], Тём. Ты и я. Подумай, а?

Я стою посреди двора. Снег идёт крупный и мокрый, садится на ресницы.

Нормальная работа. Никаких тайн. Регулярные встречи.

— Я подумаю, — говорю я.

* * *

Я снова в Иннополисе, в своей квартире, на кровати с мокрым матрасом. К вечеру Соне стало лучше, и Алина попросила меня уехать. Двенадцатый час. Я не заходил сегодня, вчера и в воскресенье. Значит, это уже третий день.

Алина прислала сообщение в 23:20. *Температура 39,9. Вызвали скорую, ждём.* С тех пор ничего. Я звонил семь раз. Занято.

Я кладу телефон перед собой на одеяло.

23:41. Экран загорается.

[18] Стартап — молодая компания, которая строит новый продукт и ищет на это инвестиции.

Артём, Клевер волнуется! Это третий день без тебя! Третий пропуск затронет самое важное! Не потеряй то, что тебе дорого! Задание дня: подтверди, что ты с

нами.

Под текстом одна зелёная кнопка. **Подтвердить**. Ещё никогда задание не было таким простым.

Я знаю, что произойдёт, если я нажму. У меня есть двадцать три строки доказательств. Я видел чёрную шеренгу на снегу. Я слышал, как падает человек за стеной. Удача не берётся из воздуха. Кто-то где-то рядом сегодня ночью заплатит. Кто-нибудь, кто просто идёт домой. Кто-нибудь, у кого тоже есть дети, внуки. Я это знаю. Я единственный человек на земле, который это знает наверняка. Моя вина доказана, и больше не может быть списана на случайность. С этой минуты я не жертва багов. Я автор релиза.

А если не нажму, то это может быть просто грипп. Всего лишь грипп, а я сумасшедший, который не спит, и Ильдар прав. Я могу проверить. Один день. Ещё один эксперимент. Одна переменная.

Переменная лежит сейчас на бабушкиной кровати и горит под ковром с оленями, придумывая новый баг на завтра.

23:52.

Я встаю и хожу по комнате. Сажусь на Сонину кровать. На двери висит табличка. Я пробую посчитать вероятность, и оказывается, что впервые в жизни я не могу вспомнить, как считать.

Пропущенные дни не считаются. Серия просто ждёт.

23:57. Телефон вибрирует. Это не уведомление от Алины. Это клевер: экран пульсирует зелёным, мягко, в ритме сердца, и таймер считает секунды, и я точно знаю, кто придумал этот ритм, потому что я лично ставил такой на пуш[19] в корпоративном портале. Поднять вовлечённость на двенадцать процентов. Дешёвый приём. Работает на голубях.

23:59.

Я смотрю на своё лицо в чёрном стекле балкона. Мужчина тридцати восьми лет. Прекрасно понимает, как это устроено.

Я нажимаю.

Экран вспыхивает маленькими листиками. Секунду ничего не происходит. Потом телефон ласково вздрагивает у меня в руке, и в этой вибрации мне снова чудится что-то похожее на благодарность, на кошачье прикосновение к ладони.

[19] Пуш (пуш-уведомление) — всплывающее сообщение от приложения на экране телефона.

С возвращением, Артём! Мы скучали! Ударный режим: 11 дней. Спасибо, что вы с

нами.

Я не отрываясь смотрю на телефон. Две минуты, пять. На шестой минуте приходит сообщение от Алины.

Температура спала. 37,2. Скорая говорит, отпустило как рукой. Спит. Господи.

Я закрываю глаза. Мне хочется заплакать от облегчения, и у меня это получается. Я сижу на полу в темноте, прижимаю телефон к груди обеими руками и плачу, как не плакал с детства.

За окном, где-то далеко, на самой окраине белого города, начинает выть сирена.

Глава 11. Автопилот

Сирена не стихает. Сначала одна, далеко, на самой окраине, потом к ней подключается вторая, третья, и звук начинает расти, как очередь задач в понедельник утром. Я сижу на полу, прижимая телефон к груди, и какое-то время честно пытаюсь не слушать. У меня есть сообщение от Алины. Тридцать семь и два. Спит. Этого должно бы хватить, чтоб успокоить меня на всю ночь.

Но не хватает.

Я встаю, выхожу на балкон. Иннополис ночью обычно похож на заставку монитора, который забыли выключить: ровные ряды белых окон, ровные фонари, ровный снег. Сейчас заставка зависла. Над южным краем города, там, где за технопарком начинаются гаражи и подстанции, небо подсвечено снизу. Не оранжевым, как бывает над стройкой, а грязно-жёлтым, с чёрными клубами, которые ветер с Волги тянет прямо на жилые кварталы.

Внизу хлопает дверь подъезда. Кто-то в пуховике поверх пижамы выходит на дорожку и задирает голову. Потом ещё один. В доме напротив загорается окно, другое, третье. Город просыпается, как по будильнику, и это отчётливо видно с шестого этажа.

Я опускаю глаза на телефон. В правом верхнем углу вместо полосок связи маленький крестик. *Нет сети.* Вай-фай показывает, что подключён, но страницы не грузятся. Мессенджер крутит колёсико. Сообщение Алине, которое я начал писать, так и висит.

Я сворачиваю его и машинально, большим пальцем, по привычке последних двух недель нажимаю на иконку с клевером.

Приложение загружается мгновенно. Как всегда.

Ударный режим: 11 дней. Ты снова с нами, Артём!

Клевер машет листиком. Под ним уже висит таймер на новое задание, хотя я его ещё не открыл. Всё работает. Анимация гладкая, шрифты не поехали, кнопки нажимаются. Во всём городе нет связи, но приложение в моём телефоне работает, хоть ему и неоткуда брать данные.

Я разработчик. Я знаю, что так не бывает. Без сети может отобразиться кэш[20], заглушка[21] или экран ошибки с извинениями и просьбой попробовать позже. Но приложение не может знать, что я нажал кнопку в 23:59, и не может пересчитать мой баланс. Тем не менее он обновлён… Возможно, по таймеру. Об этом мне предстоит ещё подумать, но не сейчас. Сейчас я просто гашу экран телефона.

* * *

На лестнице пахнет гарью. Она пробралась в подъезд через вентиляцию. Соседи стоят на площадках в тапках и куртках, переговариваются вполголоса, как в очереди в поликлинике. Связи нет ни у кого. У одного мужика с пятого этажа работает старое радио на батарейках, но там играет музыка и ведущий желает всем спокойной ночи.

---

[20] Кэш — сохранённая копия данных, которую устройство показывает, когда не может получить свежие.

[21] Заглушка — временная страница или кусок кода, который стоит на месте настоящего.

— Говорят, ЦОД[22] горит, — сообщает женщина в халате с котом на руках. — Который за технопарком.

— Да какой ЦОД, там подстанция.

— Подстанция при ЦОДе. У них там свои дизели, на случай, если свет отключат. Вот дизели и горят.

— А радиация?

Все оборачиваются на парня в шортах.

— Какая радиация, это серверы.

— А у них там, может, своё что-то. Кто знает, что они там держат. Мне брат говорил, у них охлаждение какое-то хитрое.

Я спускаюсь мимо. Объяснять, что серверам не нужен уран, у меня нет сил. Я и сам сейчас не уверен, что знаю, что кому нужно.

На третьем этаже дверь Лилии Маратовны открыта. Она стоит в проёме в пальто, застёгнутом не на те пуговицы, и держит в руке фонарик.

— Артём, вы не знаете, что случилось?

— Не знаю, — говорю я. Это правда. Удобная.

Ещё на пятом этаже, прямо под моей квартирой, я прохожу мимо двери Рамиля. Она закрыта, света под ней нет. Я замедляю шаг, хотя знаю, что никого там нет. Гульнара-апа[23] с внуком после похорон уехали к родне в Казань, поминать. Это я знаю от той же Лилии Маратовны, которая знает всё про всех.

На улице мороз. Над городом, перекрывая вой экстренных служб, вдруг включается ещё один звук, низкий и ровный, такой, какой я слышал только в кино и на ежегодной проверке систем оповещения. Он идёт сразу отовсюду, с крыш, из столбов, из воздуха. Потом обрывается, и медленно, с паузами начинается вещание:

— Внимание. Жителям квартала номер четыре. Просьба покинуть дома и проследовать к зданию университета. Повторяю. Жителям квартала номер четыре. Просьба немедленно проследовать к зданию университета.

Мой дом находится во втором квартале. Нам никуда идти не надо. Но я всё равно выхожу, хоть и не к зданию университета.

* * *

Иннополис маленький. Чтобы пересечь его пешком, нужно минут сорок. Я иду минут пятнадцать и почти всё это время вижу автобусы.

Первый стоит на перекрёстке у школы, поперёк двух полос, с включёнными фарами и открытыми дверями. Пустой. Внутри горит свет, на экране над водительским местом, которого нет, крутится заставка: *Спасибо, что выбрали нас!* Мотор не работает. Рядом никого. Он просто остановился посреди ночи, как будто забыл, куда ехал.

Второй стоит у торгового центра. Он заехал передними колёсами на газон и уткнулся бампером в скамейку. Скамейка выдернута из земли вместе с бетонными ножками. В салоне двое подростков, они снимают всё на телефоны, хотя отправить видео им некуда.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Да они все встали, — охотно говорит один, не опуская телефона. — Мы с вокзала ехали, на кольцевом. И он такой — бах, и всё. И двери открыл. И экран завис. А пацаны в чате написали, что встали вообще все. Ну, пока чат ещё работал…

— Во сколько?

— Да я чё, засекал? Вот только что. Минут сорок назад.

---

[22] ЦОД — центр обработки данных: здание с серверами, на которых работают сайты, облачные хранилища и сервисы компаний.

[23] Апа (тат.) — уважительное обращение к старшей женщине, букв. «старшая сестра», «тётя».

Я иду дальше. Ночные беспилотники в Иннополисе ходят по кругу, развозят тех, кто работает в ночные смены, и подбирают последних пассажиров с казанского рейса. Их немного, пять или шесть машин на весь город. Все пять или шесть стоят там, где их застала одна и та же секунда.

Чем ближе технопарк, тем гуще дым. Дорогу перегородили полицейской машиной, за ней пожарные расчёты, рукава, люди в касках. За забором подстанции, освещённом со всех сторон прожекторами, горит длинный бетонный ангар. Вдоль забора лежит, завалившись на бок, белый автобус. Он вошёл в ограждение на полном ходу, снёс две секции и врезался в будку с надписью «Не подходи — убьёт». Будку смяло. Дальше, судя по всему, огонь нашёл, что искал.

— Пассажиры там были? — спрашиваю я у полицейского.

— Отойдите.

— Там были люди?

Он смотрит на меня, потом на мою куртку, надетую на голое тело, и почему-то отвечает:

— Пустой был. Служебный, в парк шёл. Его тут вообще не должно было быть, у него маршрут через объездную. Отойдите, говорю, сейчас могут ещё бочки рвануть.

Я отхожу. За спиной чуть поодаль разносится треск, как будто от взрыва петарды. Над ангаром поднимается новый столб дыма. В нём мелькают искры, и где-то внутри этого столба, в бетонной коробке, сейчас плавится всё, что кто-то годами настраивал и бэкапил. Почта, облака, чьи-то фотографии. Может быть, и мой корпоративный портал, который однажды попросил меня поднять вовлечённость на двенадцать процентов.

* * *

Я не знаю, зачем иду на выезд из города. Может быть, потому что туда едут все скорые. Я вижу их мигалки, они уходят по главной улице к развязке, на трассу.

Там, где дорога из Иннополиса вливается в трассу на Казань, за поворотом, стоит третий автобус. Казанский рейс. Он не остановился, как остальные. Он, видимо, шёл на скорости по трассе, когда случился сбой, и машина осталась без управления. Автобус съехал с дороги по длинной дуге и теперь лежит в кювете на боку, крышей к полю. Стёкла выбиты. Снег вокруг истоптан, а на нём какие-то сумки, пакеты, детская варежка, ботинок.

Скорых три. Мигалки бьют по снегу синим, и от этого всё вокруг выглядит как плохо снятый клип. Люди в форме вытаскивают кого-то через лобовое стекло. Пассажиров немного, человек семь. Кто-то сидит на снегу, кому-то перевязывают голову прямо в открытых дверях скорой.

На ступеньке ближней машины сидит маленькая женщина в тёмном пальто и платке. Лоб у неё заклеен пластырем, щека в крови, на плечах одеяло из фольги. Она обеими руками держит ботинок. Мужской, большой, сорок четвёртого размера.

Я узнаю платок раньше, чем лицо. Этот платок я видел на похоронах, когда стоял у края могилы с лопатой и не знал, куда девать руки.

— Гульнара-апа.

Она поднимает голову. Сначала не узнаёт, а потом меняется в лице и смотрит так, будто я пришёл к ней с хорошей новостью.

— Артём… Балам. Ты откуда?

— Из дома. Я… шёл мимо.

Ночь, минус девять, трасса за городом. Мимо. Она не замечает подвоха. Мне кажется, она вообще сейчас ничего не замечает.

— Тимурчик, — говорит она. — Он меня собой закрыл. Автобус как поехал вбок, он меня к стенке прижал и сверху лёг. Как дед учил. Дед всегда говорил: если что, бабку закрывай.

На носилках лежит внук Рамиля, тот самый парень лет шестнадцати, который на кладбище сказал мне, что у меня очень умная дочка. Лицо у него белое. Одна нога босая. Несут его

спешно, спотыкаясь о снег. На очередной кочке рука Тимура свесилась с носилок, и фельдшер на ходу попытался уложить её обратно. Не вышло.

— Вы родственники? — спрашивает он у Гульнары-апы. — Поедете с ним? В Казань, в республиканскую. Быстро.

Она встаёт, путается в одеяле. Я подхватываю её под локоть. Лёгкая, как ребёнок.

— Мы от сестры его ехали, — говорит она мне в плечо, торопливо, будто боится не успеть рассказать. — Поминали Рамиля у них, в Казани. Хотели остаться, а Тимур говорит: бабуль, давай домой, тебе завтра на давление в поликлинику. Сели на последний. Всё хорошо. Ехали, всё хорошо. Он даже задремал. А потом экран погас, и всё.

Её поднимают в машину. Она оборачивается и, стоя в дверях, протягивает мне ботинок.

— Подсоби, балам. Он без него замёрзнет.

Я беру ботинок, хочу помочь, но фельдшер, словно не замечая меня, задвигает Гульнару-апу вглубь машины и закрывает дверь. Скорая трогается и уходит на трассу, к Казани.

Я остаюсь стоять на обочине с ботинком в руке.

* * *

Полицейский, который фотографирует автобус, не прогоняет меня. Наверное, в одной куртке и с чужим ботинком я выгляжу как пострадавший.

— Знакомые ваши? — спрашивает он.

— Соседи.

— Повезло ей, — говорит он, щёлкая затвором. — Почти без царапин. А пацан… ну, врачи сделают, что смогут.

Я обхожу автобус. Он лежит на боку, как огромный уставший зверь. Через лобовое стекло видна приборная панель, та самая, без руля. Над ней экран. Он треснул наискось, но всё ещё светится, как будто никакого сбоя и не было. На экране застыла последняя строка бортового журнала, белым по синему:

00:01. Сбой системы управления. Сохраняйте спокойствие. Спасибо, что выбрали нас!

Я смотрю на эти цифры долго. Достаточно долго, чтобы полицейский перестал фотографировать и посмотрел на меня.

Я знаю, во сколько я нажал. 23:59. Я смотрел на часы, когда палец ещё висел над экраном. Я видел, как они сменились.

Двадцать три пятьдесят девять плюс две минуты.

Интервал от одной до трёх. Строка двадцать четыре.

В кармане вздрагивает телефон. Связи по-прежнему нет. Я достаю его и, не глядя на экран, держу в руке ещё пару минут.

Глава 12. Известная проблема

К утру город пахнет как кухня после подгоревшего накануне ужина. Дым осел, но никуда не делся: висит между домами серой вуалью, стелется по снегу и забивается в рукава. Белые фасады за ночь изрядно состарились и по цвету скорее стали походить на технику в кабинете информатики из нулевых.

Связь возвращается в половине седьмого, рывками. Сначала приходят сообщения, отправленные ещё вчера, потом уведомления из всех чатов разом, телефон вибрирует две минуты без остановки, как будто пытается выговорить всё, что накипело в оживлённом споре. От Алины не пришло ни одного нового сообщения. Только то, ночное. Тридцать семь и два. Я перечитываю его раз пять. Набираюсь смелости и читаю всё остальное.

Чат дома: *у кого есть вода? у нас из крана коричневая*. Чат технопарка: *кто-нибудь знает, когда нас отпустят домой?* Городской канал: фотографии автобуса в заборе, автобуса в кювете, автобуса на газоне. Под ними сотня комментариев. Кто-то видит в этом теракт. Кто-то винит хакеров и правительство. Кто-то пишет, что давно говорил: нельзя доверять технике, которая сама собой управляет. Заговорщики подозревают, что у них в ЦОДе на самом деле был маленький реактор, и вот теперь у нас будет как в Чернобыле. Пост с этой идеей набрал больше всего лайков.

В восемь выходит официальное заявление от управления беспилотного транспорта, и я читаю его дважды.

В ночь с 17 на 18 ноября в работе системы управления беспилотным транспортом Иннополиса произошёл единичный сбой. Пострадавшим оказывается необходимая помощь. Причины инцидента устанавливаются. Пожар на территории энергообъекта локализован. Угрозы жизни и здоровью жителей нет.

Единичный сбой. Шесть автобусов в одну секунду, и это единичный сбой. Я сам писал такие письма. Не про автобусы, про упавший сервис, про потерянные заказы. У нас был шаблон, и он начинался со слов «известная проблема». Его составляли так, чтобы никто не мог придраться ни к одному слову и никто ничего не понял.

* * *

До Казани я еду на такси. Водитель живой, усатый, слушает шансон и всю дорогу говорит.

— Ну что, наездились на своих роботах? — Он смотрит на меня в зеркало, как будто это я лично их запускал. — Я им сразу говорил. Машине без человека нельзя. У машины души нет, ей всё равно, кого везти, куда везти. Вот Рамиль-абый двенадцать лет возил, знаешь его? Ни одной аварии. А убрали, и что?

— Знаю, — говорю я. — Точнее сказать, знал.

Он замолкает и до самой Казани больше ничего не спрашивает.

Республиканская больница утром похожа на вокзал, где все поезда задерживаются. В приёмном толпа, у справочной очередь, по коридору катят каталку с мужчиной в окровавленной куртке. Я держу пакет. В пакете ботинок сорок четвёртого размера и бутылка воды, которую я купил на заправке, сам не знаю зачем.

Гульнару-апу я нахожу в коридоре на третьем этаже, у дверей реанимации. Она сидит на пластиковом стуле в том же пальто, только платок сполз на плечи. Пластырь на лбу слегка пожелтел по краям. Рядом с ней женщина помоложе, полная, с таким же разрезом глаз. Сестра Рамиля, догадываюсь я.

Гульнара-апа видит меня и встаёт. Я не успеваю её остановить.

— Артём. Балам. Приехал.

— Как он?

— Полночи в реанимации. — Она говорит медленно, будто проверяет каждое слово на ощупь. — Голову ударил и позвоночник. Врач сказал, сейчас спит. Сказал, молодой, сильный. Сказал, надо ждать.

Я отдаю ей пакет. Она достаёт ботинок, гладит его ладонью, как живого, и ставит рядом со стулом. Аккуратно, носком к стене. Как ставят обувь у порога, когда хозяин вот-вот придёт.

— Рахмат, балам, — говорит она. — Не забыл.

Мне хочется сказать, что я не тот, кому нужно говорить спасибо. Что если бы она знала, кого благодарит, она бы этим ботинком меня ударила. Но я молчу. Удобная правда снова работает за меня.

Из ординаторской выходит врач, молодой, небритый, с глазами человека, который не спал вторые сутки. Он говорит с сестрой Рамиля, я стою рядом и слушаю. Слова мне понятны по отдельности, но всё вместе складывается всего в одну фразу: нужны деньги. Препарат, которого нет в больнице. Реабилитация. Специальный корсет. Отдельная палата, потому что общая переполнена после ночи. Часть предоставляется по полису, часть — нет. Врач называет сумму. Сестра Рамиля молчит, а потом очень тихо говорит что-то по-татарски, и Гульнара-апа закрывает лицо руками.

— Я заплачу, — говорю я.

Все трое смотрят на меня.

— У меня есть. Правда. Мне недавно… повезло. Я заплачу. Где касса?

Гульнара-апа начинает возражать, сестра Рамиля её останавливает, врач объясняет, куда идти. Я иду. Касса на первом этаже, окошко, за окошком женщина в вязаной кофте. Я прикладываю карту к терминалу. Транзакция завершена успешно. В моих логах это будет просто строка. Сумма, время, получатель. Я ещё не знаю, в какой столбец её записать.

Когда я поднимаюсь обратно, Гульнара-апа берёт мою руку обеими своими и прижимает к груди. Руки у неё сухие и тёплые.

— Рамиль тебя любил, — говорит она. — Говорил, Артём хороший, только несчастный. Я ему не верила. Думала, какой несчастный, у него жена красивая, дочка умная, работа хорошая. В компьютерах. А он видел. Он всегда видел людей.

Я ухожу так быстро, как только могу, чтобы это не выглядело бегством.

* * *

В офис я приезжаю к двум. Технопарк, где он находится, к обеду открыли, оцепление сняли, только у дальнего края ещё дымят пожарные машины. Это мой последний день отработки. Четырнадцать дней назад он казался мне финишной лентой, оборвав которую я наконец-то скажу всё, что думаю. А сейчас распыляться на это совсем не хочется.

Внутри здания темно. Работает аварийное освещение, тусклые жёлтые лампы через одну. Турникеты открыты настежь: система пропусков тоже жила в том ЦОДе.

В отделе человек десять. Наташа сидит на подоконнике, Рустам на своём месте, скрестив ноги и закинув их на стол, кто-то в куртке, кто-то с термосом. Мониторы тёмные. Ни у кого ничего не работает.

— О, Артём, — говорит Рустам. — Пришёл посмотреть на руины?

— А что случилось?

— А ты не видел? — Наташа машет рукой в сторону окна. — Всё. Всё было там. Прод, тестовая среда, бэкапы. Наш облачный провайдер — это и был тот ЦОД. Мы же экономили, Смирнов же говорил, зачем нам другой регион, это дорого, у нас тут всё под боком, свои ребята. Вот, свои ребята.

— А как же ИИ?

— Он тоже был там, — говорит Рустам и кивает куда-то в потолок. — Вместе со всеми своими весами, контекстом и твоими опечатками. Нет больше у них агента. Нет базы, нет репо-

зиториев, нет ничего. Даже твоих логов транзакций. Ты же их потом туда перенёс, помнишь? Чтоб всё в одном месте.

Я помню. В понедельник Смирнов попросил «навести порядок в данных», и я навёл. Всё в одном месте.

— А заказчик?

— Заказчик утром прислал письмо. — Наташа достаёт телефон, находит, читает с выражением: — *Учитывая повторный проблемный инцидент, ставящий под угрозу сохранность наших данных, мы вынуждены расторгнуть договор в одностороннем порядке.* Это тот, на двести миллионов. Там ещё про неустойку есть, но это уже неинтересно.

— Компании конец, — говорит Рустам спокойно, как говорят о погоде. — Нас всех, кто остался, завтра бы всё равно сократили. Теперь просто некому сокращать.

Я сажусь за свой стол. Тёмный монитор. Кружка с засохшим кофе, которую я так и не помыл. На мониторе стикер, который я наклеил полгода назад: *не трогать параметр №3*. Что ж, трогать больше нечего.

Странное чувство. Две недели я ждал, что в этот день буду злорадствовать. Человек, который выкинул меня как старый чайник, теряет всё, и даже его прекрасный агент, работающий круглосуточно, сгорел вместе с подстанцией. Я должен чувствовать хоть что-то похожее на победу.

Я чувствую только запах гари от своей куртки.

* * *

Оксана появляется ближе к вечеру. В руках у неё та же тонкая папка, только теперь в ней не соглашения, а обходные листы. Она ходит по отделу и раздаёт их каждому, кто дорабатывает последний день, и перед каждым извиняется.

— Простите, пожалуйста. Мне надо, чтобы вы сдали ноутбук, пропуск и подписали листок для бухгалтерии. Только бухгалтерия сейчас не работает, у них тоже всё было… там. Поэтому подпишите просто у меня, а я потом как-нибудь…

— Оксан, а тебе самой лист выдали? — спрашивает Наташа.

Оксана смотрит на неё, потом на папку. И вдруг смеётся. Громко, совсем не по-офисному, так, что Рустам вздрагивает. Потом смех обрывается, и она садится на свободный стул.

— Мне утром муж позвонил, — говорит она. — Его на новой работе спрашивают, кто у него жена. Он говорит, ну, эйчар. Спрашивают в какой компании. А получается уже ни в какой. — Она опять смеётся, уже тише. — Простите. Я не знаю, зачем это рассказываю.

Я подписываю свой обходной лист. Ноутбук сдать некому, он лежит на столе. Пропуск больше ничего не открывает. Я кладу его рядом с ноутбуком. Шесть лет. Две подписи. Одна кружка.

Кружку я забираю.

Смирнов находит меня в коридоре, у лифтов, которые тоже не работают. Он без пиджака, в мятой рубашке, рукава закатаны. Под глазами мешки, щетина на щеках. Я никогда не видел его небритым. Даже после марафонов он выглядел так, будто бежал в кондиционированном зале.

— Артём.

— Александр Викторович.

Он стоит и молчит. Я жду, что он скажет про команду, про семью, про новую главу. Он молчит, и в этой тишине слышно, как где-то на этаже капает вода из отключённого кулера.

— Знаешь, что смешно, — говорит он наконец. — Я в понедельник подписал страховку на оборудование. Она вступает в силу с первого декабря.

Я ничего не отвечаю. Мне нечего ответить. Я даже не могу посочувствовать ему так, как хотелось бы: в голове сами собой выстраиваются столбцы. Время подписания договора, время вступления в силу, время пожара. Интервалы. Строки.

Смирнов поднимает на меня глаза, и в них нет ни злости, ни горя. Только усталость и какой-то очень тихий, почти детский вопрос.

— А ты мог подумать, что так будет?

Глава 13. Не найдено

Я так ничего и не ответил. Сказал «до свидания» и ушёл вниз по тёмной лестнице с кружкой в руке. Он остался стоять у неработающего лифта. Я слышал, как он нажимает кнопку вызова. Раз, другой, третий. Как будто, если нажать достаточно много раз, система придёт в себя и поймёт, что от неё хотят.

Мне хорошо знакомо это чувство. Я нажимаю свою кнопку каждый день.

* * *

Первую неделю после отработки я делаю то, что умею лучше всего. Отлаживаю.

Если у тебя в проде что-то ведёт себя необъяснимо, первое правило — перестать объяснять. Не строить гипотез, не искать виноватых. Изолировать. Воспроизвести. Измерить. Я раскладываю на кухонном столе всё, что у меня есть: мой телефон, на котором стоит клевер, старый смартфон Алины, ноутбук, роутер и блокнот в клетку. Блокнот купил в магазине у дома. Такой же, как у Сони, только обложка с котами.

Начинаю с простого. Список процессов. Подключаю телефон к ноутбуку кабелем, включаю режим разработчика, вывожу всё, что сейчас запущено. Системные службы, мессенджер, банк, браузер, музыка. Клевера нет. Я открываю приложение, оно бодро прыгает на экране, машет листиком. Снова проверяю список. Клевера нет. Он работает, а процесса нет. Как если бы в комнате горел свет, а лампочки не было.

Батарея. Расход по приложениям за сутки. Мессенджер — четырнадцать процентов, браузер — девять, экран — сорок один. Клевера в списке нет. Значит, он не тратит ни капли заряда. Работает бесплатно, как волонтёр.

Хранилище. Сколько места занимает. Снова ничего. В списке установленных приложений он отсутствует, в папке с данными нет ни одного файла с похожим именем. Я ищу по слову «smile», по слову «luck», по слову «удача», по картинке клевера, по всему подряд. Пусто.

Сеть. Я поднимаю на ноутбуке прокси, гоню через него весь трафик телефона и полдня смотрю, как мимо меня текут пакеты. Мессенджер стучится к своим серверам каждые тридцать секунд. Банк проверяет сертификаты. Погода спрашивает погоду. Клевер не отправляет ничего. Ни одного запроса. При этом в 16:00 он присылает мне уведомление о новом задании, а в 23:42 поздравляет с выполнением.

Я отключаю у телефона доступ к сети, перевожу его в режим полёта, отключаю вай-фай, достаю сим-карту и кладу на стол. Открываю клевер.

Привет, Артём! Отличный день для отличных дел! До конца дня осталось

06:12:44.

Всё работает. Задание обновилось. Таймер идёт.

Я записываю в блокнот: *Без сети работает. Без сим-карты работает. Всегда работает.* Потом дописываю внизу столбика, мелко: *Так не бывает.*

* * *

На третий день я пробую отловить его на видео. Запись экрана, обычная системная функция. Открываю клевер, жму на задание, листаю. Останавливаю запись и открываю файл.

На видео погода.

Двенадцать секунд погоды. Минус шесть, облачно, ветер северо-западный. Экран кто-то прокручивает, в нужные моменты что-то меняется, но всё время это виджет погоды на первом экране, тот самый, который был на этом месте до клевера. Я пересматриваю видео пять раз. Потом снимаю экран другим телефоном, старым Алининым, с расстояния в двадцать сантиметров, вручную, с дрожащими руками.

На видео погода.

Я сижу какое-то время, не шевелясь. Потом встаю, иду в ванную и долго держу руки под холодной водой. Ильдар тогда, на кухне, сказал, что видит погоду. Я тогда решил, что он ошибается, что у него проблемы со зрением, что он смотрит не туда. Сейчас я сам смотрю туда и вижу то же, что он.

Только когда я поднимаю глаза от видео на живой экран, там клевер.

Это хуже всего. Пока я думал, что приложение умное и хитро прячется, я мог с ним работать. Хитрость — это всего лишь вредоносный код. А код можно прочитать. Но если камера видит одно, а я вижу другое, то проблема не в телефоне. Проблема либо во мне, либо в чём-то, что умнее камеры. Ни один из этих вариантов не лечится перезагрузкой.

Я ставлю телефон на зарядку и записываю в блокнот: *Видно только мне.*

* * *

На пятый день я звоню в банк. На этот раз я не спешу, послушно выслушиваю все возражения робота и добиваюсь разговора с живым человеком. Человек оказывается девушкой с уставшим, но очень вежливым голосом.

— Добрый день, оператор Екатерина, слушаю вас.

— Я хочу оспорить списание. Один доллар, четвёртое ноября, ночью. Получатель — SMILE OF LUCK.

— Одну минуту. — Клавиши. — Да, вижу. Одна операция, один доллар. Сейчас посмотрю получателя.

Пауза. Длинная. Я слышу, как она снова стучит по клавишам, как переключает окна, как вздыхает.

— Странно, — говорит она наконец. — Операция есть, а данных по мерчанту нет. Обычно там указаны реквизиты. Здесь пусто. Деньги ушли, а принять их было некому.

— Это возможно?

— Ну… — Она медлит, и я слышу, как вежливость в её голосе сменяется человеческим любопытством. — Честно? Я такого не видела. Я могу открыть претензию, но я не знаю, кому её направить. Получателя в системе нет. Совсем. Мы можем вернуть вам доллар за свой счёт, если хотите.

Я представляю, как банк возвращает мне доллар и что на это скажет клевер.

— Не надо. Спасибо.

— Оцените, пожалуйста, разговор, — говорит она, и в голосе у неё снова вежливость.

Я ставлю пять. Рефлекс.

* * *

Неделю спустя я начинаю делать то, что должен был сделать сразу. Я прекращаю искать, как оно устроено, и начинаю искать, каковы его условия.

Простыня. Пользовательское соглашение. Ночью в баре на Баумана оно уехало у меня под пальцем вниз, бесконечное, серое, с мелким шрифтом. Я не прочитал ни одного слова. Как и все. Но оно было. А если было соглашение, значит, где-то в нём написано, сколько эта оферта[24] стоит и как от неё отказаться.

[24] Оферта — предложение заключить договор. Приняв её, например нажав кнопку «Принять», человек соглашается со всеми условиями.

Сейчас в приложении от простыни осталась одна строка. Я открываю её каждый вечер, как открывают дверь в пустую комнату. Одна строка про семь суток. Больше ничего.

Я пытаюсь вспомнить. Сажусь с закрытыми глазами, восстанавливаю бар по деталям, как учили на каком-то тренинге по осознанности, который нам однажды устроила Оксана. Запах мокрых курток. Хоккей без звука. Свет прожектора в глаза. Клевер на стене. Экран, белый, с серыми строками. Мой палец. Строки бегут вверх. Иногда, кажется, в них проскакивают знакомые слова, какие-то номера пунктов, жирные заголовки. Но стоит потянуться к ним, и воспоминание расплывается, словно чернильная клякса.

Тогда я делаю то, что умею. Завожу файл. Называю его просто: *Соглашение.* Первым пунктом вписываю единственную строку, которую знаю точно.

Следом завожу второй файл. Таблицу. С теми же столбцами, что и в прошлый раз, только теперь я заполняю её не задним числом, а каждый день, вечером, с точностью до минуты. *Дата. Время. Задание. Удача. Сумма. Событие рядом. Пострадавший. Время события.*

Задания я выполняю. Каждый день, до полуночи. Я хорошо помню, чем чреваты пропуски, и не могу снова рисковать дочерью. Значит, остаётся одно: следить. Если я не могу остановить поезд, я хотя бы запишу, кто стоит на путях.

К счастью, на этой неделе везёт мне нечасто. К сожалению, стороной удача меня всё же не обходит. Перезванивают из компании, куда я неделю назад отправил резюме без всякой надежды, и приглашают на собеседование. Я на него не иду. Через три минуты встречаю Лилию Маратовну и узнаю, что её зятя не взяли туда же. Строка. Мне возвращают часть денег за абонемент в бассейн, в который не доходила Соня. Через две минуты у соседа с четвёртого этажа стопорится машина посреди двора. Строка. Я нахожу у магазина сто рублей. В тот же момент рядом ветер вырывает из рук пожилой соседки пакет с пенсией, и купюры разлетаются по снегу, она собирает их, а я помогаю. Мы собираем всё, что можем найти. После пересчёта одной сторублёвки не хватает. Я делаю вид, что заметил недостающую на снегу, и отдаю свою. Только что найденную. Иду домой и записываю новую строку.

В таблице всё сходится. Это и есть самое страшное. Логи не врут.

* * *

В конце ноября я сажусь сводить месяц. Это привычка Алины, а не моя, но я теперь живу её привычками. Открываю банк, выгружаю выписку за ноябрь целиком, чтобы проверить, все ли удачи у меня записаны и с какими ценами. Строки идут столбиком, как в Сониной тетради.

Ипотека. Продукты. Такси до Казани. Больничная касса. Перевод Гульнаре-апе на корсет. Возврат за бассейн. Зарплата, последняя, с компенсацией. Сумма от Смирнова за спасённую базу.

Первое ноября. Второе. Четвёртое. *Покупка: 1,00 USD. SMILE OF LUCK.* Я её помню. Это начало.

Больше там нет ничего странного. Ни долларов, ни мерчантов, которых не существует. Обычный месяц обычного человека. Тогда я делаю то, что сделала бы Алина. Складываю.

Итого за ноябрь. Удача: 1 287 500 #. Цена: 1 287 400 #.

Разница сто рублей. Я ищу её полчаса и нахожу. Сторублёвка, которую я у магазина отдал пенсионерке из своего кармана, чтобы у неё сошлось. Если её вычесть, сходится до рубля.

Удача и цена. Дебет и кредит. Месяц закрыт без остатка.

Я сижу над экраном до тех пор, пока он не гаснет сам. Я уже подбирался к подобному выводу ранее, но должен был удостовериться, что это не сбой и не моя болезнь.

Теперь уверен наверняка. Это бухгалтерия. И кто-то ведёт её очень аккуратно.

Глава 14. Откат

Ильдар приезжает в последнюю неделю ноября без звонка, как в прошлый раз. Только теперь вместо самсы у него в руках ноутбук и папка с распечатками, а лицо у него не встревоженное, а голодное. Такое лицо бывает у аналитиков, когда цифры наконец начинают складываться в то, что можно продать.

— Ты живой? — говорит он с порога. — Почему трубку не берёшь? Я тебе неделю пишу.

— Был занят.

— Чем?

Я смотрю на кухонный стол. Два телефона, ноутбук, роутер, блокнот с котами, распечатанная таблица. Я вижу, как он молча перечисляет в голове всё, что видит, и как останавливается на таблице. Его лицо становится осторожным.

— Ладно, — говорит он. — Потом. Сначала слушай меня. Только не перебивай.

Он садится, открывает ноутбук и поворачивает его ко мне. На экране презентация. Белый фон, синий шрифт, первый слайд: *После пожара.*

— Ты знаешь, сколько компаний в Иннополисе держали агентов в том ЦОДе? — спрашивает Ильдар. — Сорок три. И все они за одну ночь потеряли всё, что их агенты сделали за последние полгода. Код, документы, письма, договоры. А теперь главное. Ты знаешь, сколько из них смогли бы откатиться, если бы у них был журнал действий агента?

— Нисколько.

— Нисколько! — Он стучит пальцем по столу, как будто я угадал правильный ответ на экзамене. — А ты смог. Тогда, в середине месяца, со Смирновым. Ты единственный человек в радиусе ста километров, который сделал откат базы после того, как агент её оптимизировал. Вся Казань про это говорила. Меня уже три человека спрашивали, нельзя ли то же самое, только для них. А сейчас, после пожара, спрашивают все. Все, Артём. Банки. Логисты. Транспортное управление.

— Что беспилотниками заправляют?

— Ну да. — Он пожимает плечами. — Им надо понять, что стало с их системой. А они не могут. У них нет журнала. Есть только последняя строка на экране. Знаешь, какая там строка?

— Знаю.

Он смотрит на меня внимательнее. Потом решает не спрашивать.

— Короче. Страховка от дурака для ИИ-агентов. Любое действие, которое агент делает, пишется в отдельный журнал, на отдельное железо, в другой город, а лучше в два разных. Тогда любое действие можно отменить. Одной кнопкой. Как «Ctrl+Z» для бизнеса. Мы назовём это «Отмена».

— Банально.

— Банально — это хорошо. Банальное покупают. — Ильдар закрывает ноутбук. — Я один не потяну. Я аналитик, я умею продавать и считать. А строить это должен ты. Ты единственный, кто это уже делал руками. Я тебя не прошу из жалости, если что. Я тебя прошу, потому что без тебя у меня ничего не выйдет.

Сто сорок строк за месяц. Сто сорок совпадений.

Ему я этого не говорю.

— Мне нужна нормальная работа, — говорю я. — С трудовым договором. С трудовой книжкой, или что там сейчас вместо неё. Чтобы можно было показать.

— Кому?

— Алине.

Ильдар понимает сразу. Это он умеет.

— Будет тебе трудовой договор, — говорит он. — Хоть в рамочке.

* * *

Через неделю у нас есть юрлицо, счёт в банке, два стола в коворкинге и первый клиент. Клиент — маленькая логистическая компания, у которой в ночь пожара агент перепутал все маршруты на неделю вперёд, и фуры с мандаринами уехали в Пермь. Они хотят знать, как сделать так, чтобы это больше не повторилось. Я рассказываю им за двадцать минут. Они подписывают договор за две.

Удача. Я записываю её вечером. Время подписания, сумма. Ищу цену. Три минуты спустя у Ильдара в коворкинге садится ноутбук, и он теряет файл, над которым сидел два часа. Видимо, столько я сэкономил. Строка.

Я пишу код. Это странно и хорошо. Каждый день я прихожу в коворкинг. Сажусь за стол у окна, открываю ноутбук и до вечера строю систему, которая умеет одно: помнить всё, что сделала машина.

Журнал транзакций. Снимки состояния. Отдельные ключи. Каждое действие агента получает номер и обратную операцию. Удалил запись — вот её копия. Изменил договор — вот исходная версия. Отправил письмо — вот отзыв письма, если почтовый сервер ещё не доставил, а если доставил, то вот шаблон извинения. Мне это нравится. Мне нравится, что в этой системе у всего есть отмена.

Где-то на второй неделе я ловлю себя на том, что сижу перед экраном и не пишу, а смотрю на кнопку, которую сам только что нарисовал в интерфейсе. Большая, зелёная, с закруглёнными углами. *Отменить.*

Я продаю всему миру откат. Я строю его так, чтобы ни один агент никогда не мог сделать ничего необратимого. Я проверяю каждый сценарий, каждую ошибку, каждый корнер-кейс, а для своей жизни у меня нет журнала транзакций. Нет снимка состояния на третье ноября, до синка на пятнадцать минут. Нет обратной операции для Рамиля, для Тимура, для того ангара за технопарком. Я могу откатить базу данных крупного заказчика за ночь. Свою жизнь я не могу откатить даже на один день.

Ильдар подходит сзади, смотрит на экран.

— Красиво, — говорит он. — Только кнопка должна быть поярче. Синий — это доверие.

— А зелёный? — спрашиваю я.

— Зелёный — это «всё хорошо». Деньги, успех, удача. Зелёный не надо, зелёный уже у всех.

Я перекрашиваю кнопку в синий.

* * *

Трудовой договор у меня на руках в среду. Ильдар действительно приносит его в рамочке, купленной в магазине при коворкинге, и ржёт так, что администратор просит нас вести себя потише. Я фотографирую договор. Без рамки.

Вечером я сажусь писать Алине. Пытаясь приоткрыть единственную дверь, которую она оставила незапертой. Последний месяц я писал туда почти каждый день. Коротко, по делу, без просьб. Про то, что закрыл последний займ. Про то, что заплатил за Тимура. Про то, что у меня нет работы, но я ищу. Ответов не было. Только иногда, очень редко, статус сообщений сменялся на *Прочитано*. Мне хватало.

Сейчас я пишу дольше обычного. Переписываю три раза. В первой версии там слишком много радости, как у Сони, когда она приносит пятёрку после замечания. Во второй слишком много объяснений. В третьей остаётся только то, что важно.

Алина, привет. У меня есть работа. Нормальная, официальная, в Казани. Договор во вложении. Я понимаю, что это пока ничего не значит. Я помню, что ты сказала про тайны. Если и когда ты будешь готова поговорить про встречи с Соней, я готов. В любой день, в любое время. Если нет, я тоже пойму.

Я перечитываю последнюю фразу и понимаю, что она неправда. Не пойму. Но я её оставляю, потому что она правильная.

Нажимаю «Отправить». Кнопка отправки синяя.

Задание на сегодня у меня уже выполнено. *Сделай что-то, чем будешь гордиться.* Клевер засчитал его ровно в тот момент, когда Ильдар принёс договор. Ударный режим двадцать шесть. Двадцать шесть. Я пытаюсь понять, горжусь ли я. Не получается.

* * *

Ответ приходит в пятницу, в обеденный перерыв. Я сижу в коворкинге с бумажной тарелкой, на которой остывает плов, и телефон вздрагивает так, будто в нём кто-то проснулся.

Я не открываю сразу. Сижу и смотрю на имя жены в списке входящих, как раньше смотрел на синк с Александром на пятнадцать минут, без описания. В сообщении может быть что угодно. Ильдар напротив жуёт и что-то рассказывает про конкурентов. Я не слышу ни слова.

Открываю.

Сообщение короткое. Без приветствия, но всё же я перечитываю его трижды, пытаясь найти, где подвох, и не нахожу.

Договор посмотрела. Соня спрашивает про тебя каждый вечер. Суббота подойдёт?

Глава 15. Код доступа

Алина назначает встречу на нейтральной территории, как назначают переговоры: кафе в торговом центре на Петербургской, суббота, одиннадцать ноль ноль, два часа. Список условий приходит отдельно. Она правда пишет его списком, с цифрами.

1. Я буду рядом. 2. Не обещай ей ничего, чего не сможешь сделать. 3. Про переезд, про «скоро вместе», про «когда-нибудь» не говори ни слова. 4. Не подкупай её. Один подарок можно. Маленький. 5. Если она устанет, мы уйдём.

Я читаю пункт четыре и смеюсь, впервые за неделю. Алина знает меня лучше, чем я сам. Я уже купил три подарка.

Два из них я оставляю дома.

В кафе я прихожу в десять двадцать. Сижу у окна с видом на игровую комнату, где разноцветные шары и горка в форме кита, и пью воду. Кофе не беру, руки и так трясутся. Девушка за стойкой дважды спрашивает, жду ли я кого-нибудь. Дважды говорю, что жду.

Они приходят в одиннадцать ноль одну. Алина в сером пальто, волосы собраны, на лице выражение аудитора, который приехал с плановой проверкой и заранее знает, что найдёт нарушения. Соня в куртке, которую я не узнаю. Новая, бабушка подарила, наверное. На шее шарф, завязанный так туго, что видны только глаза.

Глаза находят меня сразу.

Я встаю. Соня делает шаг ко мне, второй и потом вдруг останавливается и оборачивается на маму. Алина еле заметно кивает. И тогда Соня бежит.

Она врезается в меня так, что я чуть не падаю обратно на стул. Обхватывает руками за пояс, утыкается лицом в свитер и стоит так. Ничего не говорит. Я тоже ничего не говорю. Я чувствую через свитер, как она дышит. Ровно, глубоко. Здоровая. Тридцать шесть и шесть, наверное. Я никогда раньше не думал, что дыхание ребёнка можно чувствовать животом.

— Приветствую, товарищ главный механик, — говорю я ей в макушку.

— Привет, — говорит она в свитер. — Ты колючий.

— Это шерсть.

— Я знаю. Всё равно колючий.

Алина садится напротив. Снимает перчатки, кладёт их на стол рядом, ровно, пальцами в одну сторону. Смотрит не на меня, а на Соню.

— Два часа, — говорит она.

— Я помню.

* * *

Первые полчаса мы говорим о ерунде. Соня рассказывает про новую учительницу физкультуры, ту, которая в кроссовках с крыльями. Про бабушкин суп, в котором стало меньше лука после того, как Соня написала про это баг и положила блокнот открытым бабушке на подушку. Про мальчика из класса, который умеет шевелить ушами и поэтому считает себя крутым. А остальные дети его странным. Я слушаю и киваю, и всё время смотрю на неё. Лицо изменилось. Стало серьёзнее, взрослее. Как у человека, который месяц прожил в чужом доме и научился быть вежливым, даже когда не хочется.

Потом она замолкает и смотрит на меня очень внимательно.

— Пап. А можно?

— Что?

Она достаёт из рюкзака тетрадь. Ту самую, в клетку, с акулой на обложке, которую она сама нарисовала фломастером. Тетрадь уже потрёпанная, углы загнуты.

— Баг дня, — говорит она и открывает тетрадь. Ровно, торжественно. — Только он не сегодняшний. Он из того дня, когда ты болел.

— Я не болел, ты болела.

— Ты тоже болел. — Она смотрит на меня как на сотрудника, который не понимает очевидного. — Бабушка сказала, ты был бледный как поганка.

Алина отворачивается к окну. Я вижу, как у неё дёргается уголок рта.

— Докладывайте.

— Шаги воспроизведения. Первый. Папа приезжает. Второй. Папа сидит на полу. Третий. Папа уезжает. — Соня ведёт пальцем по строчке. — Ожидаемый результат. Папа остаётся. Фактический: уехал.

Я молчу. Алина молчит. Соня ждёт, держа палец на строчке.

— Приоритет? — спрашиваю я наконец. Голос у меня садится.

— Высокий, — говорит Соня. — Но не критический. Потому что я знала, что ты вернёшься. Я записала.

Она переворачивает тетрадь и открывает её с конца. Столбик. Я помню его по телемосту, по жару, по бабушкиной кровати с ковром. 712. 713. Четыре пустые клетки. 714. Семь пустых клеток. 715 — это тот вечер, когда я закрывал её баг с кривой галочкой. Дальше пусто. Клетка за клеткой, строка за строкой, вниз до самого края листа и на следующую страницу. Она оставляла место. Она до сих пор оставляет.

— Давай, ты? — спрашивает она и протягивает мне ручку.

— Это твоя тетрадь.

— Это наша серия, — говорит Соня. — Ты пиши. А я посмотрю, правильно ли.

Я беру ручку. Пишу в следующей пустой клетке после 715 аккуратно, почти каллиграфически, так, как не писал с первого класса. 716.

Соня проверяет. Кивает.

— Принято, — говорит она.

Телефон в кармане вздрагивает. Мягко, коротко. Я не достаю его. Я и так знаю, что там.

Задание выполнено: проведи время с теми, кого любишь. Ударный режим: 29 дней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.